

18+ Тамара Шомина
Александр Капитонов

Религия Откровение Психология

Том III (Часть 2, Книга 1): Религия веры —
от шаманизма до буддизма

**Александр Капитонов
Тамара Шомина**

**Религия. Откровение.
Психология. Том 3 (часть 2,
книга 1): религия веры —
от шаманизма до буддизма**

<https://litres.ru/74428577>

ISBN 9785007114790

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Настоящее издание впервые предлагает синтез психологии, религии и откровения, открывающий новый взгляд на устройство человеческой души. Авторы убедительно показывают, что эти три пути не соперничают, а дополняют друг друга, являясь разными языками одной Истины.

В третьем томе читатель погружается в природу веры как фундаментальной способности человеческой психики. Вера

предстает не как слепое принятие догм, а как доверие к порядку мироздания, как инструмент исцеления, от борьбы к принятию себя.

Содержание

Предисловие ко второй части тома	6
Религия	35
Введение: как религия отвечает на запросы разных видов веры	35
Шаманизм: архаичная основа всех видов веры	53
Конец ознакомительного фрагмента.	106

**Религия. Откровение.
Психология
Том 3 (часть 2, книга
1): религия веры — от
шаманизма до буддизма**

**Тамара Шомина
Александр Капитонов**

Редактор Ольга Сергеевна Соловьева

© Тамара Шомина, 2026

© Александр Капитонов, 2026

ISBN 978-5-0071-1479-0 (3-2-1)

ISBN 978-5-0069-4671-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие ко второй части тома

Первая часть этого тома была посвящена психологии веры. Мы разобрали, откуда берется способность верить, почему она неизбежна, как устроены ее механизмы. Мы увидели, что мозг не терпит неопределенности и заполняет пробелы верой. Мы познакомились с гипертрофированным обнаружением агентности, которое заставляет нас видеть волю и намерение там, где их нет. Мы разобрали восемь видов веры и их связи. Но психология отвечает только на вопрос «как?». Она описывает форму, механизмы, закономерности. Она не отвечает на вопрос «во что?».

Психология может объяснить, почему человек верит в Бога, но не может сказать, существует ли Бог на самом деле. Она может описать, как формируется вера в себя, но не может определить, хороший человек или плохой. Она может показать механизмы веры в любовь, но не может доказать, что любовь — главный закон мироздания. Психология — это наука о механизмах. Она не дает содержания. Она не предлагает ответов на экзистенциальные вопросы. Она лишь показывает, как эти ответы возникают в психике.

Вторая часть книги обращается к содержанию. Здесь мы будем говорить не о том, как работает вера, а о том, во что

люди верили и верят. Религии — это не просто набор догматов и ритуалов. Это живые системы, которые на протяжении тысячелетий давали человеку ответы на главные вопросы. Откуда мы пришли? Зачем мы живем? Что будет после смерти? Как мы должны жить? Что такое добро и зло? Каждая религия отвечает на эти вопросы по-своему. И каждая требует веры.

Психология показала, что вера неизбежна. Но она не сказала, во что верить. Это может показаться недостатком, но на самом деле это достоинство научного подхода. Наука не предписывает, она описывает. Она не говорит «верь в это», она говорит «вера работает так». Выбор содержания веры остается за человеком. И этот выбор огромен. Тысячи лет человечество создавало разные ответы на одни и те же вопросы. Вторая часть — это путешествие по этим ответам.

Как писал религиовед Мирча Элиаде, «...священное не перестает быть священным, меняются лишь формы его проявления»¹ (С. 17). Задача второй части — увидеть это общее священное за разными формами. Мы не будем сравнивать религии, чтобы определить, какая лучше. Мы будем смотреть, как в каждой из них работают восемь видов веры. Это позволит увидеть и единство, и многообразие.

¹ Элиаде М., «Священное и мирское» / пер. с франц. Н. Б. Вахтина, Москва: Издательство МГУ, 1994, 144 с.

Первая часть дала нам инструмент — восемь видов веры. Теперь мы применяем этот инструмент к религиозным традициям. Вера в реальность мира, вера в себя, вера в людей, вера в любовь, вера в Бога, вера в дьявола, вера в достижение цели, вера в будущее — как они проявляются в разных культурах? В одних традициях сильнее выражена вера в себя, в других — вера в любовь, в третьих — вера в достижение цели. Мы увидим, что нет религии, где были бы представлены все виды в равной степени. У каждой есть свой акцент.

Как писал философ и историк Карл Ясперс, «...осевое время — это время рождения великих религий и философских учений, которые до сих пор определяют духовную жизнь человечества»² (С. 33). Мы начнем с архаических форм — шаманизма, Древнего Египта, цивилизации Майя. Затем перейдем к осевым религиям — зороастризму, индуизму, буддизму, конфуцианству, даосизму. Затем — к авраамическим традициям: иудаизму, христианству, исламу. Это путешествие займет всю вторую часть.

Важно понимать, что вторая часть не является энциклопедическим обзором. Мы не будем подробно описывать каждую религию. Для этого есть учебники по религиоведению.

² Ясперс К., «Смысл и назначение истории» / пер. с нем. М. И. Левиной, Москва: Политиздат, 1991, 527 с.

Наша задача — показать, как восемь видов веры работают в разных контекстах. Мы будем выделять главное: что в этой традиции является центральным, а что — периферийным. Где вера в себя достигает максимума (адвайта-веданта), где вера в любовь (христианство), где вера в достижение цели (буддизм, майя).

Читатель, знакомый с какой-либо религией, может увидеть ее с новой стороны. Христианин может понять, почему в его вере так важна вера в любовь. Буддист — почему в его традиции так развита вера в достижение цели. Мусульманин — почему вера в Бога (таухид) является центром всего. Иудей — почему вера в людей (через завет и общину) занимает такое важное место. Даже атеист, не принимающий ни одной религии, сможет увидеть, как устроены эти системы изнутри.

Вторая часть не призывает принять какую-либо религию. Она не доказывает, что одна религия лучше другой. Она показывает, как разные религии отвечают на одни и те же человеческие потребности. Потребность в объяснении мира, в преодолении страха смерти, в обретении смысла, в создании общности. Эти потребности универсальны. Религии — это культурно-исторические ответы на них. Понимание этого помогает не только уважать другие традиции, но и глубже понимать свою.

Критерий оценки религии, как и критерий оценки любой веры, — плоды. Делает ли религия человека добрее, свободнее, способнее к любви? Если да — религия работает, независимо от ее догматов. Если нет — религия больна, даже если ее догматы безупречны. Мы будем помнить об этом критерии, рассматривая разные традиции. Не осуждать, но и не закрывать глаза на искажения. Фанатизм, нетерпимость, насилие — это плоды больной веры, в какой бы религии они ни проявлялись.

Первая часть дала нам психологический фундамент. Теперь мы строим на нем здание. Вторая часть — это стены. Разные религии — это разные архитектурные стили. Но фундамент един. Восемь видов веры работают везде. В шаманском камлании и в буддийской медитации, в египетской Книге мертвых и в христианской литургии, в исламском намазе и в иудейском Шаббате. Мы увидим это единство за видимым многообразием.

Мы не будем углубляться в теологические тонкости. Нас не интересуют споры о природе Христа или о предопределении. Нас интересует, как работает вера. Как человек, исповедующий ту или иную религию, строит свою жизнь на основе веры. Как его вера в реальность, в себя, в других, в любовь, в Бога, в дьявола, в достижение цели, в будущее проявляется

в его поступках, ритуалах, переживаниях. Это психологический, а не богословский подход.

Религии — это не просто набор догматов и ритуалов, а живые системы, которые на протяжении тысячелетий давали человеку ответы на главные вопросы. Эти ответы разные, но вопросы одни и те же. Откуда мы пришли? Зачем мы живем? Что будет после смерти? Как нам относиться друг к другу? Что такое добро и зло? Каждая религия предлагает свои ответы. Но за разными ответами стоит одно и то же — вера в порядок, который больше человека.

В этой части мы не будем давать энциклопедический обзор всех религий. Это невозможно в рамках одной книги. Мы выберем те традиции, которые наиболее ярко иллюстрируют разные виды веры. От шаманизма — древнейшей формы организованной веры — до ислама — одной из самых молодых мировых религий. От Древнего Египта, где вера в будущее достигла апогея, до современного Нью-Эйджа, где вера в себя гипертрофирована. Путь будет долгим, но каждый шаг приближает нас к пониманию.

Шаманизм — это ключ к пониманию архаической веры. Шаман не «верит» в духов в том смысле, в котором современный человек верит в Бога. Для шамана духи — это непосредственный опыт, полученный в измененном состоянии

сознания. Верхний мир, нижний мир, срединный мир — три уровня реальности, по которым шаман путешествует. Вера в реальность мира духов у шамана стопроцентна, потому что она основана на переживании, а не на догме. Это первый вид веры в его максимальном выражении.

Древний Египет — цивилизация, где вера в будущее достигла своего апогея. Вся египетская культура была ориентирована на загробную жизнь. Мумификация, Книга мертвых, суд Осириса, Поля Иалу — все это технологии обеспечения бессмертия. Египтяне верили в Маат — космический порядок, истину, справедливость. Фараон был гарантом Маат на земле. Вера в себя проявлялась в знании своих имен, которые нужно было назвать на суде. Мы увидим, как здесь работают первый, пятый, седьмой и восьмой виды веры.

Цивилизация Майя — пример веры, где ритуал и точность важнее личной веры в Бога. Майя верили в циклическое время. Мир создавался и разрушался несколько раз. Их знаменитый календарь — не просто измерение времени, а священный закон. Вера в достижение цели у Майя принимала экстремальные формы: кровавые жертвоприношения, ритуальная игра в мяч. Цель — удержать космический порядок, отсрочить конец цикла. Вера в будущее — вера в то, что будущее можно узнать, если правильно исчислить время.

Как писал историк и религиовед Мирча Элиаде, «...*ритуал воспроизводит священное время, время первоначала, когда боги творили мир*»³ (С. 32). В архаических культурах вера неотделима от ритуала. Ритуал — это не просто символическое действие, а способ прикоснуться к священному, восстановить порядок. В христианстве это евхаристия, в исламе — намаз, в буддизме — медитация. Но корень один: ритуал закрепляет веру, переводит ее из головы в тело.

Зороастризм — религия, в которой впервые возникает четкая дуальность. Ахура-Мазда — творец истины, порядка, света. Ангра-Майнью — творец лжи, хаоса, тьмы, смерти. Они не равны изначально, но мир — поле битвы. Зороастризм оказал огромное влияние на авраамические религии. Отсюда пришли ангелы, демоны, Судный день, рай и ад. Вера в дьявола здесь достигает своей первой отчетливой формы. Мы увидим, как это связано с шестым видом веры и как это повлияло на христианство и ислам.

Индуизм — это не одна религия, а множество школ и традиций. В адвайта-веданте вера в себя достигает своего максимума: «Ты есть То», атман тождественен Брахману. Человек верит, что его истинная природа — божественна. В бхакти-йоге на первом месте вера в любовь: любовь к Богу как

³ Элиаде М., «Священное и мирское» / пер. с франц. Н. Б. Вахтина, Москва: Издательство МГУ, 1994, 144 с.

путь к освобождению. Вера в закон — карма, рита, космический порядок, которому подчиняются даже боги. Дьявола как абсолютного зла в индуизме нет. Асуры — не злые, они просто на другой стороне.

Буддизм — религия без Бога, но с полным набором видов веры. Будда был человеком, а не Богом. Значит, и я могу пробудиться. Это особая форма веры в себя. Вера в реальность — зависимое возникновение, всё возникает в зависимости от причин и условий. Вера в людей — вера в Сангху, общину. Вера в любовь — практика метта, любящей доброты. Вера в закон — Дхамма, объективный порядок вещей. Вера в достижение цели — Восьмеричный путь, детально проработанная технология.

Как писал буддолог Е. А. Торчинов, *«...буддизм — это не столько религия в западном смысле слова, сколько учение о пути, метод освобождения от страдания. В центре буддизма не Бог, а закон — Дхамма»*⁴ (С. 56). Вера в закон, в то, что следование по пути ведет к освобождению, — это вера в достижение цели. Буддизм — пример того, как можно верить без Бога.

Конфуцианство — вера в порядок без Бога. Тянь (Небо)

⁴ Торчинов Е. А., «Введение в буддологию», Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000, 304 с.

— безличный моральный порядок, «так идет». Вера в себя через культивацию добродетелей: жэнь, и, ли, сяо. Вера в людей — центральная. Пять константных отношений: правитель-подданный, отец-сын, муж-жена, старший-младший, друг-друг. Ритуал (ли) — технология достижения цели. Вера в будущее — не в загробной жизни, а в детях и внуках. Дьявола нет — есть невежество и нарушение ритуала.

Даосизм — вера в Дао, путь, который нельзя выразить словами. Лао-цзы писал: «Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное Дао». У-вэй (недеяние) — парадоксальная вера в достижение цели: чем меньше усилий, тем больше результат. Вера в будущее — долгая и здоровая жизнь, алхимия как технология обретения бессмертия. Инь и ян — нет дьявола, есть баланс. Свет и тьма, добро и зло — две стороны одного. Вера в бессмертных — людей, достигших единства с Дао.

Авраамические религии — иудаизм, христианство, ислам — заслуживают отдельного внимания. Иудаизм: личный Бог Яхве, заключающий завет с народом. Эмуна — вера как верность, доверие в отношениях. Сатана в Ветхом Завете — не враг, а обвинитель при Боге, должность, как прокурор. Падшего ангела в Ветхом Завете нет — это позднее развитие. Вера в будущее — Мессия, который восстановит царство. Мы увидим, как здесь работают вера в Бога, вера в людей и

вера в будущее.

Христианство: вера в любовь как главный закон. «Бог есть любовь». Троица — три лица одного закона. Вера в Иисуса как человека, достигшего Бога, — путь теозиса, обожения. Вера в дьявола сильно выражена: Люцифер — падший ангел, князь тьмы. Психологический смысл: проекция бунта, гордости, хаоса против порядка. Проблема смешения Бога-отца и земного отца: если земной отец был наказывающим, то и Бог становится карающим тираном. Решение — разводить эти понятия.

Ислам: таухид — абсолютное единство Бога. «Нет бога, кроме Аллаха». 99 имен Аллаха — атрибуты закона. Таваккуль — упование, доверие: сделал всё, что должен, — и расслабься. Иблис — джинн, отказавшийся поклониться Адаму. Не враг Бога, а враг человека. Шариат — свод законов для достижения цели. Суфизм: фана — исчезновение в Боге, высшая форма веры в себя и веры в Бога в единстве. Ритуалы ислама: намаз, пост, закят, хадж.

Дуальные и множественные системы веры — Япония и Китай. Япония: синтоизм для жизни, буддизм для смерти. Человек не выбирает, он использует обе системы в разных контекстах. Синтоизм не требует исключительности. Буддизм в Японии адаптировался. Китай: конфуцианство для

социальной жизни, даосизм для здоровья, буддизм для кризисов. На Западе — «либо — либо», на Востоке — «и — и». Это вызов западной логике. Множественная вера возможна и функциональна.

Образ дьявола в религиях — отдельная важная тема. Зороастризм: Ангра-Майнью как почти равный противник. Христианство: Сатана как падший ангел. Ислам: Иблис как джинн. Буддизм: Мара как внутренняя сила. Иудаизм: Сатана как обвинитель. Египет: Сет как хаос, но часть порядка. Чем больше религия акцентирует дьявола, тем больше она укрепляет веру в него как в отдельную силу. Мы увидим психологический смысл этой веры.

В конце второй части мы подведем итог. Сводная таблица покажет, как разные религии оценивают каждый из восьми видов веры. Индуизм силен в вере в себя. Христианство — в вере в любовь. Буддизм — в вере в достижение цели. Конфуцианство — в вере в людей. Ислам — в вере в Бога. Шаманизм — в вере в реальность. Египет и Майя — в вере в будущее. Мы увидим общее ядро всех религий и главные различия.

Религии отличаются друг от друга. Это очевидно. У них разные боги, разные ритуалы, разные священные тексты, разные представления о том, что будет после смерти. Хри-

стианин верит в Троицу, мусульманин исповедует единство Аллаха, буддист не верит в Бога вообще. Индуист поклоняется многим богам, иудей — одному, даос следует безлично-му пути Дао. Внешние различия бросаются в глаза. Именно они становятся источником споров, конфликтов, войн. Каждая религия считает себя истинной, а другие — заблудшими.

Но если присмотреться внимательнее, за этими внешними различиями можно разглядеть общее ядро. Все религии признают, что мир не хаотичен. За видимым беспорядком стоит порядок. У этого порядка есть имя: Бог, Аллах, Дао, Дхамма, Маат, Рита, Тянь. Порядок может быть персонифицированным (личность) или безличным (закон). Но он есть. И человек может согласовываться с этим порядком или противостоять ему. Согласование приносит благополучие, противостояние — страдание.

В христианстве это называется «жить по воле Божьей». В буддизме — «следовать Дхамме». В даосизме — «плыть по течению Дао». В исламе — «покориться Аллаху». В индуизме — «следовать своей дхарме». В конфуцианстве — «соблюдать ритуал». Слова разные, смысл один: есть правильный путь, и есть неправильный. Выбор за человеком. Вера в то, что порядок существует, и доверие к этому порядку — вот что объединяет все религии.

Как писал философ и теолог Пауль Тиллих, «...*религия — это не вера в существование богов, а состояние предельной заинтересованности, захваченности тем, что является для человека предельной заботой, определяющей смысл его существования*»⁵ (С. 45). Этой предельной заботой может быть личный Бог, безличный закон, путь освобождения, моральный порядок. Но суть одна: есть нечто, что выше человека и определяет его жизнь.

Различия между религиями — это различия в языке, в образах, в способах представления этого порядка. Человек не может мыслить без образов. Ему нужно во что-то конкретное верить. Кому-то ближе образ личного Бога-отца, с которым можно разговаривать, просить, спорить. Кому-то ближе образ безличного закона, которому можно только доверять, но который не услышит молитвы. Выбор образа зависит от культуры, от воспитания, от темперамента. Но объект веры, по сути, один.

Почему люди верят в личного Бога? Психологический ответ прост: мозгу легче взаимодействовать с агентом, чем с формулой. С личностью можно установить отношение. Ей можно молиться. Ее можно любить. Ее можно бояться. Безличный закон не вызывает теплых чувств. Ему не пишут сти-

⁵ Тиллих П., «Динамика веры» / пер. с нем. Т. А. Тиллих, Москва: Университетская книга, 2000, 256 с.

хов. Но он дает надежность и предсказуемость. Личный Бог дает надежду на чудо, на исключение из правил. Безличный закон чуда не обещает. Выбор между ними — это выбор между теплотой и надежностью.

В буддизме нет Бога, но есть Дхамма — закон. Будда не создал Дхамму, он ее обнаружил. Как Ньютон обнаружил закон тяготения. Дхамма действует независимо от того, верит в нее человек или нет. Карма — это не наказание и не награда, а автоматический механизм последствий. В буддизме вера в закон достигает своего максимума. Человек не просит у Дхаммы милости. Он следует ей. И это следование приносит освобождение от страдания.

Как писал буддолог Е. А. Торчинов, «...Дхамма — это не учение, придуманное Буддой, а объективная истина, которую он постиг и передал другим. Верить в Дхамму — значит доверять устройству реальности»⁶ (С. 78). В буддизме вера в Бога заменена верой в закон. Но это не делает буддизм менее религиозным. Просто объект веры другой.

В даосизме — Дао. Дао нельзя выразить словами. Оно не имеет ни формы, ни воли, ни намерения. Оно просто есть. И человек может следовать ему или сопротивляться. Следо-

⁶ Торчинов Е. А., «Философия буддизма Махаяны», Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2002, 320 с.

вание — у-вэй, недеяние. Не значит ничего не делать. Значит действовать в согласии с естественным ходом вещей. Не форсировать, не бороться, не насиловать. Довериться Дао. Это тоже вера. Вера в то, что мир сам по себе хорош и не нуждается в насильственном исправлении.

В индуизме — Рита, космический порядок, которому подчиняются даже боги. Позже — карма, закон причин и следствий в моральной сфере. В адвайта-веданте — Брахман, чистое бытие, сознание, блаженство, не имеющее ни качеств, ни формы, ни личности. Вера в себя здесь достигает максимума: атман тождественен Брахману. «Ты есть То». Человек верит, что его истинная природа — божественна. Это не гордыня, а знание.

В конфуцианстве — Тянь, Небо. Не личный Бог, не безличный закон, а моральный порядок вселенной. Небо не говорит, но оно видит все. Небо не наказывает, но справедливость в конечном счете восторжествует. Человек должен культивировать добродетели, соблюдать ритуал, почитать предков. Вера в конфуцианстве — это вера в то, что добродетель вознаграждается, а порок наказывается. Не в загробной жизни, а в этой, в детях и внуках.

В авраамических религиях — личный Бог. Яхве, Бог-Отец, Аллах. Он говорит, заключает завет, дает заповеди,

наказывает и прощает. Он — личность. С ним можно установить отношение. Его можно любить и бояться. Ему можно молиться. Эта форма веры наиболее антропоморфна. Она ближе всего к повседневному человеческому опыту. Поэтому авраамические религии так популярны. Личный Бог понятнее безличного закона.

Но и внутри авраамических религий есть движение к безличному. В иудаизме — каббала и Эйн Соф, бесконечный, о котором нельзя ничего сказать. В христианстве — апофатическое богословие, Бог, который выше любых имен и определений. В исламе — суфизм и фана, исчезновение в Боге. Даже самая «личная» религия содержит в себе мистическое ядро безличного. Просто это ядро доступно не всем. Оно требует зрелости и подготовки.

Различия между религиями не должны быть поводом для вражды. Они должны быть поводом для понимания. Разные культуры, разные эпохи, разные психологические типы нуждаются в разных образах священного. Кому-то нужен личный Бог, с которым можно говорить. Кому-то — безличный закон, которому можно доверять. Кому-то — путь освобождения от страдания. Все эти образы — языки, на которых человек говорит об одном и том же: о доверии к порядку, который больше его.

Как писал философ и писатель Владимир Соловьев, «... все религии говорят об одном, но по-разному. Истина одна, но пути к ней различны. Не стоит осуждать тех, кто идет другим путем»⁷ (С. 123). Эта мысль особенно важна сегодня, когда религиозные конфликты раздирают мир. Понимание общего ядра религий не отменяет различий. Оно позволяет увидеть за ними единство. И это единство — вера в порядок, доверие к миру, надежда на лучшее.

Вот почему в этой части книги мы не будем спорить, какая религия лучше. Мы будем искать то, что их объединяет. И мы будем смотреть, как в каждой из них работают восемь видов веры. Это не богословие, не религиоведение, а психология религии. Нас не интересует, истинны ли догматы. Нас интересует, как вера устроена в разных культурах. И что из этого может взять для себя современный человек.

Знакомство с религиозными традициями может вызвать у читателя вопрос: а не призывает ли эта книга сменить религию? Не хочет ли автор обратить христианина в буддизм или мусульманина в индуизм? Ответ: нет. Книга не призывает сменить религию или отказаться от своей. Задача не в том, чтобы переубедить читателя. Задача в том, чтобы помочь ему увидеть свою веру в контексте других традиций и через это понимание углубить её.

⁷ Соловьев В., «Россия и Вселенская Церковь», Москва: АСТ, 2006, 448 с.

Человек, который боится, что знакомство с другими религиями поколеблет его веру, может не беспокоиться. Здоровая вера не боится сравнения. Она не рушится от того, что где-то кто-то верит иначе. Наоборот, она укрепляется, когда человек видит, что его вера не одинока, что она часть общечеловеческого поиска истины. Знакомство с другими традициями помогает отделить суть от формы, ядро от шелухи, вечное от временного.

Человек, который уже сомневается в своей религии, может найти в этой части книги поддержку. Он увидит, что есть и другие пути. Что его сомнения разделяют многие. Что его вопросы — не кощунство, а нормальная часть духовного поиска. Он может не найти готового ответа, но он увидит, что его ситуация не уникальна. И это само по себе утешает. Одиночество в сомнении тяжелее самого сомнения.

Человек, который не принадлежит ни к какой религии, может использовать эту часть как карту. Карту духовных традиций человечества. Он увидит, какие вопросы задавали люди до него. Какие ответы они находили. Какие пути предлагали. И, возможно, найдет что-то близкое для себя. Или, наоборот, убедится, что его путь — вне организованных религий. В любом случае, его выбор будет осознанным, а не случайным.

Как писал философ и теолог Сергей Булгаков, «...чужое не должно быть для нас ни предметом рабского подражания, ни предметом высокомерного отвержения. Оно должно быть предметом понимания и уважения»⁸ (С. 234). Эта мысль особенно важна сегодня, когда религиозная нетерпимость становится причиной конфликтов. Понимание других религий не означает отказа от своей. Оно означает признание, что истина больше, чем одна традиция.

Книга не призывает к синкретизму — механическому смешению разных религий. Она не говорит: возьмите из буддизма медитацию, из христианства молитву, из индуизма йогу, из ислама пост, и получится супер-религия. Это было бы поверхностно и неуважительно. Каждая традиция имеет свою внутреннюю логику, свои механизмы, свою красоту. Их нельзя выдирать по кусочкам и собирать в эклектичный винегрет.

Но книга призывает к диалогу. К диалогу между разными традициями и между разными людьми внутри одной традиции. Диалог не означает, что все должны согласиться друг с другом. Диалог означает, что люди говорят на одном языке, слышат друг друга, пытаются понять. Даже не соглашаясь. Даже оставаясь при своем мнении. Простое «я слышу тебя,

⁸ Булгаков С. Н., «Свет невечерний», Москва: Путь, 1917, 462 с.

я понимаю, почему ты так думаешь» уже меняет качество общения.

Вторая часть книги — это приглашение к такому диалогу. Мы будем говорить о разных религиях. Но говорить не с позиции превосходства, не с позиции «я все знаю лучше», а с позиции исследователя, который пытается понять. Мы не будем судить, кто прав, кто виноват. Мы будем описывать, как устроена вера в разных культурах. И уважать каждую традицию за то, что она дала своим последователям.

Как писал историк и религиовед Мирча Элиаде, «...невозможно понять чужую религию, если не войти в нее хотя бы на время, не увидеть мир глазами верующего»⁹ (С. 45). Конечно, мы не можем полностью войти в каждую традицию. Но мы можем попытаться. С уважением. С открытостью. С готовностью учиться.

Читатель, который принадлежит к какой-либо религии, может увидеть свою традицию с новой стороны. Он может заметить в ней то, что раньше ускользало. Понять, почему его религия делает акцент на одних видах веры и почти не касается других. Увидеть, что в других религиях те же самые виды веры проявляются иначе. Это не уменьшит его веру, а

⁹ Элиаде М., «Тайные общества: обряды инициации и посвящения» / пер. с франц. Г. А. Гельфанда, Москва: Алетейя, 1999, 352 с.

углубит ее. Вера, которая знает себя, которая понимает свою природу, сильнее веры, которая слепа.

Читатель, который не принадлежит ни к какой религии, может использовать эту часть как возможность для внутреннего выбора. Не обязательно выбирать какую-то одну традицию. Можно остаться вне организованных религий. Но выбор будет осознанным. Он будет знать, от чего отказывается. И, возможно, откроет для себя что-то, что раньше казалось чужим, но на самом деле близко.

Читатель, который потерял веру, может найти во второй части не ответ, а утешение. Он увидит, что его сомнения разделяли многие великие умы. Что его путь — это не путь предательства, а путь искания. Что он не один. И, возможно, он найдет что-то, что зажжет его веру заново. Не обязательно в той же форме, что раньше. Но вера — это не форма, а содержание. А содержание — доверие к порядку — может облечься в разные одежды.

Читатель, который никогда не задумывался о вере, может открыть для себя целый новый мир. Мир, где люди задают великие вопросы и находят великие ответы. Мир, где вера — это не слабость, а сила. Мир, где ритуалы, молитвы, медитации — это не бессмысленные действия, а технологии работы с душой. Возможно, он захочет попробовать что-то из этого

сам. Или, наоборот, убедится, что его путь — вне этого мира. В любом случае, его горизонт расширится.

Вторая часть не требует от читателя никаких предварительных знаний. Она не предполагает, что читатель знает Библию, Коран или Веды. Все необходимое будет объяснено по ходу. Главное, что требуется от читателя, — это открытость и готовность смотреть на другие традиции без предубеждения. Не «это чуждое и непонятное», а «это другое, но я могу попытаться понять». Даже если в итоге он не примет чужую веру, он хотя бы не будет ее осуждать.

Критерий оценки религии, как и критерий оценки любой веры, — плоды. Делает ли религия человека добрее? Свободнее? Способнее к любви? Если да — религия работает, независимо от ее догматов. Если нет — религия больна, даже если ее догматы безупречны. Мы будем помнить об этом критерии, рассматривая разные традиции. Не осуждать, но и не закрывать глаза на искажения. Фанатизм, нетерпимость, насилие — это плоды больной веры, в какой бы религии они ни проявлялись.

В конце второй части мы не будем подводить итог в виде «все религии одинаковы». Нет, они разные. У них разные ответы на разные вопросы. Но общее ядро есть: вера в порядок, доверие к этому порядку, согласование с ним. Это ядро

позволяет разным традициям вести диалог. Не сливаясь, но понимая друг друга. Не теряя своей идентичности, но и не замыкаясь в ней. Это путь к миру — не через унификацию, а через уважение.

Вторая часть книги охватывает огромный материал. От шаманизма, древнейшей формы организованной веры, до ислама, одной из самых молодых мировых религий. От Древнего Египта, где вера в будущее достигла апогея, до современного Нью-Эйджа, где вера в себя гипертрофирована. Мы посетим разные эпохи, разные культуры, разные континенты. Увидим, как по-разному люди отвечали на одни и те же вопросы. И как по-разному вера в порядок принимала разные формы.

Мы начнем с архаических форм веры. Шаманизм покажет нам, как вера переживается, а не принимается на веру. Древний Египет продемонстрирует веру в будущее, направленную на загробную жизнь. Цивилизация Майя покажет веру, где ритуал и точность важнее личной веры в Бога. Эти три примера дадут нам понимание того, как вера работала в древности. И как много из этого древнего наследия сохранилось в современных религиях.

Затем мы перейдем к осевым религиям. Зороастризм — рождение дуальности и веры в дьявола. Индуизм — от веры

в себя до веры в закон. Буддизм — религия без Бога, но с верой в закон. Конфуцианство — вера в порядок без Бога. Даосизм — вера в Дао, путь без пути. Эти традиции сформировали духовный ландшафт Азии на тысячелетия. Мы увидим, как в них акцентируются разные виды веры. И как они повлияли на другие культуры.

Особое место займут авраамические религии. Иудаизм — завет и вера в личного Бога. Христианство — вера в любовь как главный закон. Ислам — покорность законам Аллаха. Эти три традиции, вышедшие из одного корня, разошлись в разные стороны. У них один Бог, но разные пророки, разные священные тексты, разные ритуалы. Мы увидим, как в каждой из них работает вера в Бога и вера в любовь. И как в них проявляется вера в дьявола.

Мы также рассмотрим дуальные и множественные системы веры. Япония: синтоизм для жизни, буддизм для смерти. Человек не выбирает — он использует обе системы в разных контекстах. Китай: конфуцианство для социальной жизни, даосизм для здоровья, буддизм для кризисов. Это вызов западной логике «либо — либо». На Востоке возможно «и — и». Множественная вера не приводит к конфликту, потому что системы не требуют исключительности.

Отдельная глава будет посвящена дьяволу. Люцифер, Са-

тана, падший ангел — как этот образ возник и как он менялся в разных религиях. Зороастризм, иудаизм, христианство, ислам, буддизм — везде есть своя темная сила. Но статус этой силы разный. От почти равного противника Бога до простого искушителя. От внешнего врага до внутренней проекции. Мы увидим психологический смысл веры в дьявола. И поймем, почему этот образ так живуч.

В конце второй части мы подведем итог. Сводная таблица покажет, как разные религии акцентируют разные виды веры. Мы увидим, где какая религия сильна, а где слаба. Индуизм силен в вере в себя. Христианство — в вере в любовь. Буддизм — в вере в достижение цели. Конфуцианство — в вере в людей. Ислам — в вере в Бога. Шаманизм — в вере в реальность. Египет и Майя — в вере в будущее.

Эта таблица не будет оценкой «хорошо» или «плохо». Акцент на одних видах веры и ослабление других — это не недостаток, а особенность. Каждая религия отвечает на определенные потребности. Буддизм отвечает на потребность в освобождении от страдания. Христианство — на потребность в любви и прощении. Ислам — на потребность в покорности и порядке. Нет универсальной религии, которая отвечала бы на все потребности одинаково хорошо.

Как писал философ и психолог Уильям Джемс, «...разно-

образия религиозного опыта — это не недостаток, а богатство. Разным людям нужны разные религии. Одна религия не может удовлетворить всех»¹⁰ (С. 345). Именно это разнообразие мы и будем исследовать. Не чтобы выбрать лучшую религию, а чтобы понять, как по-разному можно верить.

Вторая часть не требует от читателя запоминания всех деталей. Не нужно запоминать имена богов, даты, названия ритуалов. Важно уловить главное: как разные религии отвечают на одни и те же вопросы. Как в них проявляются одни и те же виды веры. Как они помогают человеку справляться со страхом смерти, с неопределенностью, с экзистенциальной тревогой. Если читатель вынесет это понимание из второй части, задача будет выполнена.

Мы не будем углубляться в теологические тонкости. Не будем спорить о природе Христа или о предопределении. Нас интересует не богословие, а психология веры. Как человек, исповедующий ту или иную религию, строит свою жизнь на основе веры. Как его вера в реальность, в себя, в других, в любовь, в Бога, в дьявола, в достижение цели, в будущее проявляется в его поступках, ритуалах, переживаниях. Это психологический подход.

¹⁰ Джемс У., «Многообразие религиозного опыта» / пер. с англ. В. Г. Малахихин-Мирович и М. В. Шик, Москва: Наука, 1993, 432 с.

Читатель, который не знаком с какой-либо религией, не должен бояться. Все необходимые объяснения будут даны по ходу. Мы не предполагаем, что читатель знает Библию, Коран или Веды. Мы будем объяснять простым языком, без специальных терминов. Если какой-то термин неизбежен, мы его поясним. Наша задача — сделать религиозные традиции понятными, а не запутанными.

Как писал историк и философ Арнольд Тойнби, «...религии — это ответы на вызовы истории. Каждая религия рождается в ответ на конкретный вызов и умирает, когда перестает отвечать на него. Но вера, стоящая за религиями, не умирает»¹¹ (С. 234). Вера не умирает. Она меняет формы. Вторая часть — это путешествие по формам веры. По тому, как человечество отвечало на вызовы судьбы.

Завершив вторую часть, мы будем готовы к переходу к третьей. Там мы обратимся к живым откровениям, данным Тамаре Шоминой. Увидим, как откровения раскрывают природу веры, доверия, дьявола. И как они соотносятся с тем, что мы узнали о психологии и религиях. Но это будет потом.

А сейчас — религии. От шамана до атеиста.

¹¹ Тойнби А., «Постижение истории» / пер. с англ. Е. Д. Жаркова, Москва: Айрис-пресс, 2010, 672 с.

Добро пожаловать в путешествие...

Религия

Введение: как религия отвечает на запросы разных видов веры

Религия для многих людей — это прежде всего вера в Бога. Христианин верит в Троицу, мусульманин — в единого Аллаха, иудей — в Яхве. Кажется, что религия сводится к этому: есть Бог, и есть человек, который в него верит. Но это слишком узкое понимание. Религия — это комплексный феномен. Она включает в себя не только вера в Бога, но и вера в реальность мира, вера в себя, вера в людей, вера в любовь, вера в дьявола, вера в достижение цели, вера в будущее. Религия работает со всеми восемью видами веры, даже если не говорит о них прямо.

Возьмем *веру в реальность мира*. Каждая религия предлагает свою картину реальности. Христианство говорит о сотворении мира Богом за шесть дней. Буддизм говорит о зависимом возникновении, где нет творца. Индуизм говорит о цикличности времени, о сансаре и мокше. Но во всех этих случаях религия отвечает на вопрос: что есть реальность? Как она устроена? Может ли человек на нее положиться? Ре-

лигия дает человеку карту реальности. И вера в эту карту — это вера в реальность мира.

Вера в себя — еще один вид веры, который религия не может игнорировать. В одних традициях вера в себя поощряется, в других — осуждается. Буддизм говорит об отсутствии неизменного «я» (анатман), но при этом поощряет веру в то, что человек может пробудиться. Христианство говорит о греховности человека, но при этом утверждает, что человек создан по образу и подобию Божьему. Индуизм (адвайта-веданта) говорит: «Ты есть То», атман тождественен Брахману. Вера в себя здесь выражена максимально.

Вера в людей — третья важная составляющая религии. Религия невозможна без общины. Христианская церковь — это Тело Христово, собрание верующих. Мусульманская умма — это сообщество всех мусульман. Буддийская сангха — это община монахов и мирян. Даже отшельник, ушедший в лес, все равно принадлежит к традиции, к линии передачи учения. Вера в людей, в то, что другие верующие не обманут, не предадут, помогут, — это необходимое условие существования религии.

Вера в любовь занимает центральное место в некоторых религиях. Христианство провозглашает: «Бог есть любовь». Любовь к Богу и любовь к ближнему — это две главные за-

поведи. В индуизме бхакти-йога — это путь любви к Богу. В буддизме практика метта (любящая доброта) — это культивация любви ко всем существам. Религия учит, что любовь — не просто эмоция, а закон. Закон, по которому устроен мир. Нарушение этого закона ведет к страданию. Следование — к благополучию.

Вера в Бога — то, что обычно считается главным содержанием религии. Но, как мы видим, это только один из восьми видов веры. И даже он в разных религиях понимается по-разному. В буддизме Бога нет. В конфуцианстве Бог не нужен. В даосизме Дао выше любых богов. В индуизме богов много, но есть и безличный Брахман. В авраамических религиях Бог един и личен. Религия не сводится к вере в Бога. Она гораздо шире.

Вера в дьявола — шестой вид веры. В одних религиях она выражена ярко (христианство, зороастризм), в других — слабее (иудаизм, индуизм), в третьих — отсутствует вовсе (конфуцианство, даосизм, буддизм в его высших формах). Но даже в религиях, где веры в дьявола нет, есть представление о зле, о темных силах, об искушениях. Просто они не персонифицированы. Религия помогает человеку справляться с тем, что он называет злом. Объясняет его происхождение. Дает методы борьбы.

Как писал историк и религиовед Мирча Элиаде, «...религия не сводится к вере в сверхъестественное. Она есть способ бытия в мире, способ ориентации в пространстве и времени, способ придания смысла жизни»¹² (С. 17). Религия работает со всеми видами веры, потому что вера — это не только вера в Бога. Это вера в порядок. В то, что мир не хаотичен. В то, что жизнь имеет смысл. В то, что усилия не напрасны.

Седьмой вид веры — *вера в достижение цели*. Религия предлагает технологии достижения целей. Молитва, медитация, ритуал, паломничество, пост — все это способы достичь определенного состояния. Очиститься от грехов, приблизиться к Богу, достичь просветления, заслужить спасение. Религия — это не только система убеждений, но и система практик. Эти практики работают, если человек в них верит. Вера в достижение цели — это вера в эффективность этих практик.

Восьмой вид веры — *вера в будущее (надежда)*. Религия дает надежду. Надежду на спасение, на прощение, на загробную жизнь, на встречу с Богом, на освобождение от страданий. Без этой надежды религия была бы невыносимой. Зачем соблюдать заповеди, если в конце все равно смерть и забвение? Зачем молиться, если никто не слышит? Надежда

¹² Элиаде М., «Священное и мирское» / пер. с франц. Н. Б. Вахтина, Москва: Издательство МГУ, 1994, 144 с.

— это двигатель религиозной жизни. Религия без надежды — это не религия, а философия отчаяния.

Как писал философ и теолог Сергей Булгаков, «...религия без надежды есть лишь тень религии. Надежда — это душа веры. Она обращает верующего к будущему, к вечности, к тому, что за пределами смерти»¹³ (С. 345). Восьмой вид веры — вера в будущее — это то, что делает религию живой. Без нее религия превращается в сухую мораль или мертвый ритуал.

Каждая религия отвечает на все восемь видов веры. Но с разными акцентами. Одни религии уделяют особое внимание вере в себя, другие — вере в любовь, третьи — вере в достижение цели. Это не недостаток, а особенность. Адвайта-веданта (индуизм) делает акцент на вере в себя: «Ты есть То». Христианство — на вере в любовь: «Бог есть любовь». Буддизм — на вере в достижение цели: Восьмеричный путь как технология освобождения. Конфуцианство — на вере в людей: пять константных отношений.

Шаманизм отличается выраженной верой в реальность мира духов. У Майя вера в достижение цели через ритуал и жертву занимает центральное место. Древний Египет делает акцент на вере в будущее, в загробную жизнь. Зороастризм

¹³ Булгаков С. Н., «Свет невечерний», Москва: Путь, 1917, 462 с.

уделяет особое внимание вере в дьявола, в дуальность добра и зла. Ислам сосредоточен на вере в Бога (таухид) и на вере в будущее (таваккуль, упование). Иудаизм делает акцент на вере в людей (завет, община) и на вере в будущее (Мессия). Даосизм отличается развитой верой в закон (Дао) и верой в достижение цели (у-вэй).

Эта книга не предлагает выбрать религию, которая лучше справляется с восемью видами веры. Нет лучшей религии. Есть разные акценты. Человеку с одним темпераментом ближе адвайта, с другим — христианство, с третьим — буддизм. Задача второй части — показать это разнообразие акцентов. Чтобы читатель мог узнать себя в одной из традиций. Или, наоборот, увидеть, что его путь — вне всех традиций. В любом случае, выбор будет осознанным.

В следующих главах мы подробно разберем каждую религию. Увидим, как в ней проявляются восемь видов веры. Какие виды доминируют, какие ослаблены, какие искажены. Это будет долгое путешествие. Но оно стоит того. Понимание религий — это понимание человеческой души. Ведь религии — это не только боги и храмы. Это ответы на вопросы, которые каждый человек задает себе в минуты отчаяния и надежды. Религия — это зеркало человеческой души.

Восемь видов веры проявляются в каждой религии, но

их значимость разная. В одних традициях на первый план выходит вера в реальность мира, в других — вера в будущее, в третьих — вера в достижение цели. Чтобы читатель мог быстро ориентироваться в этом многообразии, полезно предварительное обобщение. Краткая таблица доминирования покажет, какие виды веры являются центральными для каждой из рассматриваемых религий. Это не окончательная истина, а рабочий инструмент. В дальнейшем мы будем углублять и уточнять эти наблюдения.

Шаманизм — древнейшая форма организованной веры. Для шамана мир наполнен духами. Вера в реальность этих духов (первый вид) занимает центральное место. Шаман не «верит» в них в том смысле, в котором современный человек верит в Бога. Он их переживает. Наряду с добрыми духами существуют и злые, которые насылают болезни и несчастья. Вера в злых духов (шестой вид) также очень важна. И наконец, ритуал (седьмой вид) — это технология взаимодействия с духами, способ достичь цели: исцелить, найти, предсказать.

Древний Египет сделал акцент на вере в будущее (восьмой вид). Вся египетская культура была ориентирована на загробную жизнь. Мумификация, Книга мертвых, суд Осириса, Поля Иалу — все это технологии обеспечения бессмертия. Вера в будущее здесь достигла своего апогея. Одновре-

менно египтяне верили в Маат — космический порядок, истину, справедливость (первый вид). Фараон был гарантом Маат на земле. Без порядка мир рухнул бы в хаос. Вера в реальность мира как порядка была фундаментом.

Цивилизация Майя сделала акцент на вере в достижение цели (седьмой вид). Их ритуалы, включая кровавые жертвоприношения, имели конкретную цель: удержать космический порядок, отсрочить конец цикла. Игра в мяч, где победа или поражение могли стоить жизни, — это тоже ритуал с четкой целью. Вера в будущее (восьмой вид) тоже была важна, но в иной форме. Майя верили в циклическое время. Мир создавался и разрушался несколько раз. Календарь позволял предсказывать будущее, но будущее это было циклическим, а не линейным.

Зороастризм впервые в истории сделал акцент на вере в Бога как личность (пятый вид). Ахура-Мазда (Господь Мудрости) — творец истины, порядка, света. Но одновременно зороастризм сделал акцент и на вере в дьявола (шестой вид). Ангра-Майнью (Злой Дух) — творец лжи, хаоса, тьмы, смерти. Мир — поле битвы между добром и злом. Человек должен выбрать сторону. Эта дуальность оказала огромное влияние на авраамические религии. Без зороастризма не было бы христианского Сатаны.

Как писал историк религий М. Бойс, «...зороастризм — это первая религия, которая представила мир как арену борьбы двух противоположных сил, добра и зла. Эта идея стала фундаментальной для многих позднейших религий»¹⁴ (С. 45). Вера в Бога и вера в дьявола здесь неразрывны. Они как две стороны одной монеты.

Индуизм — это множество школ и традиций. В адвайта-веданте на первый план выходит вера в себя (второй вид). «Ты есть То», атман тождественен Брахману. Человек верит, что его истинная природа — божественна. Это не гордыня, а знание. Одновременно индуизм делает акцент на вере в закон (пятый вид). Карма — автоматический механизм последствий. Рита — космический порядок, которому подчиняются даже боги. Нет судьи, который награждает или наказывает. Есть закон.

Буддизм — религия без Бога. Вера в закон (пятый вид) здесь занимает центральное место. Дхамма — объективный порядок вещей. Будда не создал Дхамму, он ее обнаружил. Как Ньютон обнаружил закон тяготения. Вера в достижение цели (седьмой вид) также очень важна. Восьмеричный путь — это детально проработанная технология достижения просветления. Буддизм — это не столько вера в Бога, сколько

¹⁴ Бойс М., «Зороастрийцы: их верования и обычаи» / пер. с англ. И. М. Стеблин-Каменского, Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 1994, 352 с.

вера в метод. Следуй пути — и достигнешь цели.

Как писал буддолог Е. А. Торчинов, «...буддизм — это не религия в западном смысле слова, а учение о пути, метод освобождения от страдания. В центре буддизма не Бог, а закон и путь»¹⁵ (С. 56). Вера в закон (Дхамма) и вера в метод (Восьмеричный путь) — вот что делает буддиста буддистом.

Конфуцианство делает акцент на вере в людей (третий вид). Пять константных отношений: правитель-подданный, отец-сын, муж-жена, старший-младший, друг-друг. Человек не существует изолированно. Он всегда в отношении с другими. Вера в то, что эти отношения могут быть гармоничными, что люди могут следовать ритуалу, — это центральная вера конфуцианства. Вера в достижение цели (седьмой вид) тоже важна. Ритуал — это технология достижения социальной гармонии.

Даосизм делает акцент на вере в закон (пятый вид). Дао — путь, который нельзя выразить словами. Это безличный порядок, источник всего сущего. Вера в достижение цели (седьмой вид) здесь приобретает парадоксальную форму. У-вэй (недеяние) — это не пассивность, а действие в согласии с Дао. Чем меньше усилий, тем больше результат. Не форси-

¹⁵ Торчинов Е. А., «Введение в буддологию», Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000, 304 с.

ровать, не бороться, не насилловать. Довериться естественно-
му ходу вещей.

Иудаизм делает акцент на вере в Бога (пятый вид). Яхве — личный Бог, заключающий завет с народом. Он говорит, дает заповеди, наказывает и прощает. Вера в будущее (восьмой вид) также важна. Мессия — помазанник, который восстановит царство. Это не столько загробная жизнь, сколько земное будущее народа. Иудаизм акцентирует надежду на историческое будущее, а не на индивидуальное бессмертие.

Христианство делает акцент на вере в любовь (четвертый вид). «Бог есть любовь». Это не просто заповедь, а констатация сущности Бога. Вера в дьявола (шестой вид) также очень важна. Люцифер — падший ангел, князь тьмы, искушитель. Дуальность добра и зла здесь выражена сильнее, чем в иудаизме. Христианство — это религия любви, но любви, которая борется с дьяволом. Эти два вида веры неразрывны.

Ислам делает акцент на вере в Бога (пятый вид). Таухид — абсолютное единство Бога. «Нет бога, кроме Аллаха». Это основа всего. Вера в будущее (восьмой вид) также занимает центральное место. Таваккуль — упование на Аллаха. Сделал всё, что должен, — и расслабься. Доверь результат Богу. Эта вера в будущее, основанная на доверии к Богу, — одна из самых сильных сторон ислама.

Как писал исламовед В. В. Бартольд, «...ислам — это религия покорности, но покорность эта не рабская, а доверительная. Мусульманин делает свое дело, а результат вверяет Аллаху. Таваккуль — это не фатализм, а активное доверие»¹⁶ (С. 45). Вера в Бога и вера в будущее здесь соединены воедино. Человек верит в Аллаха и доверяет ему свое будущее.

Эта предварительное писание не является жесткой схемой. В каждой религии есть и другие виды веры. Шаманизм тоже верит в будущее. Египет тоже верит в богов. Буддизм тоже верит в любовь. Но акценты расставлены именно так, как указано. Эти акценты определяют облик религии. Понимание акцентов помогает сравнивать религии не по принципу «лучше — хуже», а по принципу «разное устройство».

В главах этой части мы подробно разберем каждую религию. Увидим, как эти акценты проявляются в ритуалах, в догматах, в повседневной жизни верующих. Здесь мы дали схематичный план — карту, а главы — это путешествие по этой карте.

Вера — это не только убеждение, которое живет в голове. Вера требует воплощения. Абстрактная идея о Боге, о поряд-

¹⁶ Бартольд В. В., «Ислам», Петроград: Огни, 1918, 168 с.

ке, о любви остается абстрактной, пока человек не переведет ее в действие. Ритуал — это мост между головой и телом, между убеждением и поступком. Когда человек совершает ритуал, его вера из мыслей переходит в мышцы, в дыхание, в движение. Ритуал превращает абстрактную веру в телесный опыт. Без ритуала вера часто остается благим намерением, которое никогда не реализуется.

Ритуал может быть простым и сложным, кратким и многодневным, индивидуальным и коллективным. Крестное знамение у христиан, намаз у мусульман, зажигание свечей в храме, медитация, паломничество — все это ритуалы. У них разная форма, но одна функция: сделать веру реальной. Когда человек крестится, его тело говорит то, во что верит его душа. Когда мусульманин совершает намаз, его позы, движения, слова — все это выражение покорности Аллаху. Ритуал закрепляет веру, делает ее привычной, естественной.

Связь ритуала с седьмым видом веры (вера в достижение цели) очевидна. Ритуал — это технология. У него есть цель. Жертвоприношение в древних религиях имело цель: умиротворить богов, получить урожай, исцелить больного. Молитва в авраамических религиях имеет цель: попросить прощения, испросить помощи, возблагодарить. Медитация в буддизме имеет цель: успокоить ум, достичь прозрения, приблизиться к нирване. Ритуал — это способ достичь сакраль-

ного результата. Вера в эффективность ритуала — это вера в достижение цели.

В архаических культурах ритуал был центром жизни. Охота, земледелие, война, рождение, смерть — все сопровождалось ритуалами. Шаман камлал, чтобы найти пропавшего оленя. Земледельцы приносили жертвы, чтобы вызвать дождь. Воины совершали обряды, чтобы получить защиту. Ритуал давал человеку иллюзию контроля над хаосом. Даже если дождь не шел после жертвоприношения, человек все равно испытывал облегчение: он сделал все, что мог. Остальное зависело от богов.

В современных религиях ритуал не утратил своего значения. Христианская литургия — это сложный ритуал, который воспроизводит Тайную вечерю. Мусульманский хадж — это паломничество в Мекку, которое должен совершить каждый верующий хотя бы раз в жизни. Буддийская медитация — это ритуал, который повторяется ежедневно. Даже в протестантских церквях, которые отвергли многие ритуалы, есть свои обряды: проповедь, пение гимнов, молитва. Без ритуала религия теряет свою телесность.

Как писал историк религий Мирча Элиаде, «...*ритуал воспроизводит священное время, время первоначала, когда боги творили мир. Участвуя в ритуале, человек выходит из*

профанного времени и прикасается к вечности»¹⁷ (С. 32). Ритуал не просто закрепляет веру. Он переносит человека в другое измерение. Время останавливается. Пространство становится сакральным. Человек переживает священное не умом, а всем существом.

Жертвоприношение — один из древнейших ритуалов. Человек приносил в жертву животных, плоды, иногда людей. Цель — установить связь с божеством, задобрить его, получить его расположение. Жертва была технологией. Человек что-то отдавал, чтобы что-то получить. В христианстве жертва преобразилась. Иисус Христос принес себя в жертву. Евхаристия — это воспоминание этой жертвы. Хлеб и вино становятся телом и кровью Христа. Ритуал сохранился, но его смысл изменился.

Молитва — самый распространенный ритуал. Человек обращается к Богу (или богам) со словами просьбы, благодарности, покаяния. Молитва может быть индивидуальной и коллективной, устной и мысленной, спонтанной и заученной. Православные христиане читают молитвы по молитвослову. Мусульмане совершают намаз, читая суры Корана на арабском. Буддисты читают мантры — повторяющиеся священные формулы. Молитва — это технология установления

¹⁷ Элиаде М., «Священное и мирское» / пер. с франц. Н. Б. Вахтина, Москва: Издательство МГУ, 1994, 144 с.

связи с божественным.

Медитация — ритуал, который занимает центральное место в буддизме и индуизме. Человек принимает определенную позу, сосредоточивается на дыхании, на объекте, на мантре. Цель — успокоить ум, достичь прозрения, пережить единство с абсолютным. Медитация — это технология работы с сознанием. Она требует регулярности и дисциплины. Без веры в ее эффективность медитация не работает. Вера в достижение цели здесь проявляется особенно ярко. Человек верит, что, медитируя, он придет к просветлению.

Паломничество — ритуал, который требует перемещения в пространстве. Человек отправляется в святое место: в Мекку, в Иерусалим, в Варанаси, на остров Икки. Путь часто бывает долгим и трудным. Паломник испытывает лишения, преодолевает препятствия. Цель — очиститься, получить благословение, приблизиться к Богу. Паломничество — это технология, в которой вера проверяется делом. Недостаточно верить в Бога. Нужно пойти к нему.

Как писал философ и теолог Пауль Тиллих, *«...ритуал — это не магическое действие, заставляющее богов исполнять наши желания. Это символическое действие, которое выражает нашу предельную заботу и соединяет нас с тем, что*

выше нас»¹⁸ (С. 78). Ритуал не магия. Он не гарантирует результата. Но он делает веру реальной. Он соединяет человека с тем, во что он верит.

У разных религий разные ритуалы. Но функция ритуала одна: закрепить веру, сделать ее телесной. Крещение в христианстве — это погружение в воду, символизирующее смерть и воскресение с Христом. Обрезание в иудаизме и исламе — это знак завета с Богом. Посвящение в брахманы в индуизме — это ритуал, который делает человека дважды-рожденным. Формы разные, суть одна: ритуал превращает абстрактную веру в конкретное действие.

Ритуал также выполняет социальную функцию. Совместный ритуал сплачивает группу. Люди, которые вместе молятся, вместе постятся, вместе совершают паломничество, чувствуют свою общность. Их вера становится не только личной, но и коллективной. Групповая вера, как мы уже знаем из первой части, обладает особыми свойствами. Она усиливает эмоции, создает чувство всемогущества, но может привести и к дегуманизации неверующих. Ритуал — это обоюдоострый меч.

Без ритуала вера часто остается абстрактной и вялой. Че-

¹⁸ Тиллих П., «Динамика веры» / пер. с нем. Т. А. Тиллих, Москва: Университетская книга, 2000, 256 с.

Человек может верить в Бога, но если он не молится, не соблюдает обряды, его вера не влияет на его жизнь. Она живет только в голове. Ритуал выводит веру наружу. Он заставляет тело подчиниться духу. Он тренирует веру, как тренируют мышцу. Регулярное повторение ритуала делает веру привычной, естественной, автоматической. Человек перестает задумываться о том, верит он или нет. Он просто верит.

В современном мире многие люди отвергают ритуалы как пережиток прошлого. Им кажется, что вера должна быть чисто духовной, без всяких внешних проявлений. Но такая вера часто оказывается бессильной. Она не дает опоры в кризисные моменты. Когда жизнь рушится, абстрактная вера не помогает. А ритуал, привычное действие, которое тело знает наизусть, может поддержать. Прочитать молитву, зажечь свечу, перекреститься — это маленькое действие, которое возвращает чувство контроля.

Ритуал не заменяет веру. Он ее закрепляет. Нельзя верить только потому, что совершаешь ритуал. Но можно углубить свою веру через ритуал. Можно сделать ее более живой, более телесной, более устойчивой. В этом смысле ритуал — это технология. Технология работы с верой. И разные религии нарабатывали разные технологии.

Шаманизм: архаичная основа всех видов веры

Шаманизм — древнейшая форма организованной веры, известная человечеству. Он возник задолго до письменности, задолго до первых храмов и жрецов. Археологи находят свидетельства шаманских практик в наскальных рисунках, в погребальных обрядах, в ритуальных предметах, возраст которых достигает десятков тысяч лет. Шаманизм не был изобретен в одном месте и потом распространен. Он возникал независимо в разных частях света, у разных народов. Это говорит о том, что шаманский способ отношения с миром коренится в самой человеческой природе.

Шаман — это не жрец, не священник, не богослов. Он не служит храму, не проповедует догматы, не переводит священные тексты. Шаман — это человек, который умеет входить в измененное состояние сознания и путешествовать в иные миры. Верхний мир, нижний мир, срединный мир — эти три уровня реальности для шамана не метафора, а непосредственный опыт. Он встречается с духами, общается с ними, просит их о помощи, борется со злыми силами. Шаманизм — это вера, основанная на переживании, а не на учении.

Для понимания восьми видов веры шаманизм важен именно первым видом. Вера в реальность мира — в любом мире, физическом или духовном — является основой, без которой невозможно остальное. Шаман верит в реальность мира духов так же безусловно, как современный человек верит в реальность атомов и галактик. Просто объекты веры разные, но механизм один, и шаманизм показывает его в чистом, нерerefлексивном виде.

Это ценный урок: фундаментальное доверие к реальности лежит в основе любой веры, независимо от того, как эта реальность понимается.

Для шамана духи не являются предметом веры в том смысле, в котором современный человек верит в Бога. Шаман не принимает на веру существование духов. Он их переживает. В измененном состоянии сознания, достигаемом с помощью ритмичных звуков бубна, танца, иногда энтеогенов, шаман видит духов, слышит их голоса, чувствует их прикосновения. Это переживание для него более реально, чем обычная реальность. Духи не требуют доказательств. Они просто есть. Вера в реальность мира духов у шамана — это вера первого вида в своем максимальном выражении.

Мир шамана устроен иначе, чем мир современного человека. Это не плоская реальность, где есть только физические

объекты. Это многослойная реальность. Верхний мир — место, где живут высшие духи, иногда боги. Нижний мир — подземное царство, где обитают духи умерших и темные силы. Срединный мир — мир людей, но и он населен духами. Шаман может путешествовать между этими мирами. Он поднимается в верхний мир, чтобы просить помощи у высших сил. Он спускается в нижний мир, чтобы вернуть душу больного, украденную злыми духами.

Эти миры не являются метафорой для шамана. Они так же реальны, как для европейца реальны Франция или Германия. Шаман может описать дорогу в верхний мир, рассказать, какие препятствия встречаются на пути, какие духи там живут. Он может нарисовать карту этих миров. Для него это не фантазия, а навигационная карта, по которой он ориентируется. Вера в реальность этих миров — это не слепое доверие, а знание, основанное на опыте. Опыте, который повторяется снова и снова.

Духи природы — одна из важнейших категорий шаманского мира. Каждое дерево, каждая гора, каждая река, каждый ветер имеет своего духа. Эти духи не всемогущи, но они могущественны в своей сфере. Дух реки может дать рыбу или утопить. Дух горы может защитить или обрушить лавину. Шаман должен уметь общаться с этими духами, договариваться с ними, задабривать их. Вера в реальность духов

природы — это не примитивное суеверие, а способ взаимодействия с миром, в котором человек не отделяет себя от природы.

Духи предков — еще одна важная категория. Предки не исчезают после смерти. Они переходят в иной мир, но сохраняют связь с живыми. Они могут помогать своим потомкам или, наоборот, вредить, если их забывают или обижают. Шаман может общаться с духами предков, просить у них совета, узнавать волю умерших. Культ предков — одна из древнейших форм веры. Он сохранился во многих культурах до наших дней. Вера в реальность духов предков дает человеку чувство связи с родом, с историей.

Духи животных — также неотъемлемая часть шаманского мира. Животные — не просто физические существа. У каждого вида есть свой дух-хозяин. Медведь, волк, орел, змея — они обладают своей силой, своей мудростью. Шаман может принять облик животного, стать его духом-помощником. Он может перенять силу зверя, его ловкость, его чутье. Вера в реальность духов животных — это признание того, что человек не единственное разумное существо на земле. Животные тоже обладают душой, и с ними нужно считаться.

Как писал этнограф и исследователь шаманизма Михаил Элиаде, *«...шаман не „верит“ в духов, он их встречает. Для*

него эти встречи так же реальны, как для нас встреча с другим человеком. Шаманизм — это не система верований, а техника экстаза»¹⁹ (С. 56). Шаман не рассуждает о существовании духов. Он просто идет в иной мир и встречается с ними. Это опыт, а не догма.

Измененное состояние сознания — ключ к шаманской реальности. Шаман входит в транс с помощью бубна, танца, пения, иногда с помощью растений. В этом состоянии его обычное сознание отключается, и открывается доступ к иным мирам. Он видит то, что не видно в обычном состоянии. Он слышит то, что не слышно. Он может летать, превращаться в животных, проходить сквозь стены. Это не галлюцинации в медицинском смысле. Это контролируемое изменение сознания, которое шаман может вызывать по своему желанию.

Вера в реальность этих переживаний не требует от шамана усилий. Он не убеждает себя в том, что духи существуют. Он просто переживает их существование. Проблема современного человека в том, что он потерял способность к таким переживаниям. Его сознание слишком зафиксировано на обыденной реальности. Он не может войти в транс. Поэтому для него духи — это абстракция, предмет веры, а не

¹⁹ Элиаде М., «Шаманизм: архаические техники экстаза» / пер. с франц. К. Богущкого, Киев: София, 2000, 480 с.,

переживания. Шаман же не «верит» в духов, а знает их.

Верхний мир в шаманской космологии часто описывается как многослойный. Количество слоев может быть разным у разных народов: три, семь, девять. На каждом слое живут свои духи. Чем выше слой, тем более могущественные духи там обитают. На самом верху — верховное существо, иногда называемое Небом или Великим Духом. Шаман может подниматься на эти уровни, но не каждый шаман способен достичь самых высоких. Для этого нужна особая сила и особое посвящение.

Нижний мир — это царство мертвых и темных сил. Он часто описывается как темный, холодный, опасный. Там живут души умерших, там обитают злые духи, причиняющие болезни и несчастья. Шаман спускается в нижний мир, чтобы вернуть душу больного, которую украл злой дух. Это опасное путешествие. Шаман может не вернуться. Но если он вернется, он принесет исцеление. Вера в реальность нижнего мира дает шаману силы рисковать собой ради других.

Срединный мир — мир людей. Но он также населен духами. Духи воды, духи леса, духи дома, духи орудий труда. Каждый предмет, каждое место имеет своего духа. Шаман должен поддерживать с ними хорошие отношения. Если дух обижен, он может навредить. Если дух доволен, он помога-

ет. Вера в реальность этих духов делает мир живым, полным смысла. Каждое дерево, каждый камень — это не просто объект, а собеседник.

Как писал антрополог К. Леви-Стросс, «...шаманизм — это не заблуждение, а система интерпретации мира. Шаман дает своему племени язык для описания душевных состояний, которые иначе остались бы невыразимыми. Духи — это персонажи, в которых воплощаются внутренние конфликты человека»²⁰ (С. 234). Вера в духов позволяет человеку говорить о своей душе на понятном языке.

Шаман не отделяет себя от этого мира духов. Он его часть. Он сам может превращаться в духа, летать, перемещаться между мирами. Его душа путешествует, пока тело остается в трансе. Для шамана нет жесткой границы между человеком и духом. Эта граница проницаема. Он может переходить туда и обратно. Вера в реальность мира духов для шамана — это не добавочное убеждение, а способ бытия. Он живет в мире, где духи так же реальны, как деревья и камни.

Современный человек, выросший в культуре материализма, может считать эти представления примитивными. Но это ошибка. Шаманский мир ничуть не менее сложен и внутрен-

²⁰ Леви-Стросс К., «Структурная антропология» / пер. с франц. В. В. Иванова, Москва: Наука, 1985, 536 с.

не непротиворечив, чем мир современной науки. Просто он построен на других основаниях. Не на абстракциях и числах, а на непосредственном переживании. Вера в реальность мира духов для шамана — это не слабость, а сила. Она дает ему доступ к ресурсам, которые современный человек утратил.

Для понимания восьми видов веры шаманизм важен именно этим первым видом. Вера в реальность мира — в любом мире, физическом или духовном — это основа. Без нее невозможно остальное. Шаман верит в реальность мира духов так же безусловно, как современный человек верит в реальность атомов и галактик. Просто объекты веры разные. Но механизм один. И шаманизм показывает его в чистом, нерефлексивном виде. Это ценный урок.

Шаманизм важен для понимания первого вида веры. Вера в реальность мира — в любом мире, физическом или духовном — это основа. Без нее невозможно остальное. Шаман верит в реальность мира духов так же безусловно, как современный человек верит в реальность атомов и галактик. Просто объекты веры разные. Но механизм один. Шаманизм показывает этот механизм в чистом, нерефлексивном виде.

Шаман не рождается шаманом. Он становится им. Этот переход не является автоматическим, он требует особого посвящения. Шаманская инициация — это не просто обучение

ремеслу, а радикальное преобразование личности. Будущий шаман должен умереть и воскреснуть. Его тело разрывается демонами, его плоть сваривается в котле, его кости пересчитываются. Он видит себя мертвым. Затем он воскресает, но уже другим человеком. Эта символическая смерть и воскресение — ключевой элемент шаманского становления.

Смерть и воскресение в инициации — не просто ритуал. Это переживание, которое шаман описывает как реальное. Он действительно чувствует, как его тело разрывают на части. Он действительно видит себя мертвым. Он действительно переживает ужас небытия. И он действительно переживает второе рождение. После этого опыта он уже не тот, кем был раньше. Он обретает силу, которой у него не было. Вера в себя у шамана основана не на самовнушении, а на этом переживании.

В процессе инициации шаман получает новое имя, новую душу, новых духов-помощников. Он узнает язык животных и птиц. Он получает способность летать и перемещаться между мирами. Его тело становится вместилищем духов. Он больше не обычный человек. Он — проводник между мирами. Вера в себя у шамана — это вера в свою силу, вера в то, что он способен исцелять, предсказывать, находить пропавшее. Эта вера подкрепляется опытом успешных камланий.

Шаман — не избранный в том смысле, что Бог заранее его выбрал. Избранность приходит через инициацию. Человек может иметь предрасположенность к шаманству (особые сны, видения, болезни), но без прохождения посвящения он не станет шаманом. Инициация — это дверь, через которую нужно пройти. Только пройдя через смерть и воскресение, человек обретает право называться шаманом. Вера в себя у шамана — это не гордыня, а знание своего места в космосе.

В процессе инициации шаман познает себя. Он спускается в глубины своей души, встречается со своими страхами, со своей тенью. Он видит, из чего он сделан. Это познание себя — необходимое условие для того, чтобы помогать другим. Нельзя вести людей по пути, которого сам не прошел. Нельзя исцелять чужие души, не зная своей. Инициация — это радикальное самопознание. Шаман узнает, на что он способен. Вера в себя вырастает из этого знания.

Как писал этнограф и исследователь шаманизма Михаил Элиаде, *«...шаманская инициация — это не просто обряд, а драматический опыт смерти и воскресения. Будущий шаман переживает расчленение своего тела, очищение костей, обретение новых органов. Он умирает как обычный человек и рождается как шаман»*²¹ (С. 89). Этот опыт радикально

²¹ Элиаде М., «Шаманизм: архаические техники экстаза» / пер. с франц. К. Богущкого, Киев: София, 2000, 480 с.

меняет веру шамана в себя.

Вера в себя для шамана — это не самоуверенность. Это не «я самый лучший». Это знание своих возможностей и своих границ. Шаман знает, что он может лечить некоторые болезни, но не все. Он знает, что он может предсказывать будущее, но не всегда точно. Он знает, что он может общаться с духами, но духи могут и обмануть. Вера в себя у шамана трезва. Она основана на опыте, а не на иллюзиях. Именно поэтому шаман может признавать свои ошибки.

Сила шамана — не его личная сила. Это сила, полученная от духов. Шаман — проводник, а не источник. Духи дают ему силу, и он использует ее для блага племени. Без духов он — обычный человек. Вера в себя у шамана парадоксальным образом включает в себя и веру в свою слабость. Он знает, что без духов он ничто. Но он также знает, что духи выбрали его и что он способен выполнить их волю. Это сочетание смирения и уверенности.

Одной из важнейших частей инициации является получение духов-помощников. Каждый шаман имеет своих духов, которые помогают ему в работе. Это могут быть духи животных (медведь, волк, орел, змея) или духи предков. Духи-помощники дают шаману силу, защищают его в опасных путешествиях, подсказывают, что делать. Вера в себя у шамана

неразрывно связана с верой в этих духов. Он силен, потому что они с ним.

Шаман познает себя через болезнь. Часто будущий шаман переживает тяжелую болезнь, которую обычные знахари не могут вылечить. Эта болезнь — знак призыва. Если человек сопротивляется призыву, он может умереть. Если он соглашается стать шаманом, болезнь отступает. В болезни человек встречается со своей смертью. Он познает свою уязвимость. И через это познание приходит к силе. Болезнь — это инициация через страдание.

Шаман познает себя через одиночество. Часть инициации — уход в лес, в горы, в пустыню. Шаман остается один, без еды, без воды, без защиты. Он должен выжить. Он должен встретиться со своими страхами. В одиночестве нет никого, кто мог бы помочь. Есть только он и духи. Это испытание закаляет веру в себя. Человек, который выжил один в дикой природе, знает, на что он способен.

Вера в себя у шамана проявляется в каждом его действии. Когда он бьет в бубен, он верит, что его призыв будет услышан. Когда он входит в транс, он верит, что вернется. Когда он отправляется в нижний мир за душой больного, он верит, что найдет ее и вернет. Без этой веры его действия были бы бесполезны. Вера в себя — это не дополнительное качество,

а необходимое условие шаманской практики.

Как писал антрополог К. Леви-Стросс, «...шаман не обманывает себя. Он знает, что его сила имеет границы. Но он также знает, что его вера в себя передается больному. Если шаман уверен в себе, больной тоже начинает верить в исцеление. А вера больного — это половина лекарства»²² (С. 245). Вера в себя шамана — это инструмент исцеления.

Шаман не является избранным с рождения. Есть семьи, где шаманская способность передается по наследству, но это не гарантия. Даже потомок великого шамана должен пройти инициацию. Инициация не передается по крови. Каждый шаман проходит свой путь, свои испытания, свою смерть и свое воскресение. Поэтому вера в себя у шамана — это личное достижение. Он сам заслужил ее. Он сам прошел через ад и вернулся.

В некоторых культурах шаманом может стать любой, кто пережил тяжелую болезнь или психический кризис. Это не особая привилегия, а удел страдающих. Тот, кто прошел через ад, может провести по нему других. Вера в себя у такого шамана основана на знании: «Я был там, я выжил, я знаю дорогу». Это знание не передается в книгах. Его можно только

²² Леви-Стросс К., «Структурная антропология» / пер. с франц. В. В. Иванова, Москва: Наука, 1985, 536 с.

пережить.

Вера в себя у шамана — это не статичное состояние. Она может колебаться. После неудачного камлания шаман может сомневаться. После смерти больного, которого он лечил, он может впасть в отчаяние. Но он восстанавливает веру в себя через новые ритуалы, через общение с духами, через поддержку племени. Вера в себя требует постоянного подкрепления. Она не дана раз и навсегда.

Шаман — проводник между мирами. Он соединяет верхний и нижний мир, мир живых и мир мертвых, мир людей и мир духов. Вера в себя как в проводника — это особая форма веры. Шаман верит, что он способен переходить границы. Он не просто верит, что он может это делать. Он это делает. Его вера подтверждается опытом многократных путешествий. Он знает дорогу. Он знает пароли. Он знает, как вести себя с духами.

Вера в себя у шамана — это не отдельный вид веры, а сплав всех остальных. Он верит в реальность мира духов, и это дает ему смелость туда идти. Он верит в духов-помощников, и это дает ему силу. Он верит в ритуал, и это дает ему технологию. Он верит в будущее, и это дает ему надежду. Вера в себя — это точка сборки, где сходятся все остальные виды веры. Без нее шаманизм невозможен.

Шаман не путешествует по мирам в одиночку. У него есть помощники. Духи-помощники — это существа, которые сопровождают шамана в его путешествиях, защищают его, подсказывают, что делать, дают силу. Отношения между шаманом и духами-помощниками напоминают человеческие отношения. Это доверие, взаимопомощь, верность. Шаман верит своим духам-помощникам, как верит лучшему другу. Без этой веры он не может совершать путешествия. Остаться одному в иных мирах — верная смерть.

Духи-помощники могут быть разными. Чаще всего это духи животных. Медведь дает силу и свирепость. Волк дает чутье и выносливость. Орел дает зоркость и способность высоко летать. Змея дает мудрость и способность исцелять. Шаман может иметь одного главного духа-помощника или несколько. Он получает их во время инициации. Иногда дух сам приходит к шаману. Иногда шаман отправляется на его поиски. Эти отношения длятся всю жизнь.

Духи предков также могут быть помощниками. Умершие шаманы, знахари, великие воины — они не исчезают, а продолжают помогать своим потомкам. Они знают то, чего не знают живые. У них есть опыт, накопленный веками. Шаман может обратиться к духу предка за советом в трудной ситуации. Вера в помощь предков — это вера в то, что умершие не

бросили живых. Они здесь, рядом, они заботятся. Это очень древняя форма веры.

Учителя из мира духов — особая категория помощников. Это не предки и не животные. Это духи, которые обучают шамана. Они показывают ему, как входить в транс, как перемещаться между мирами, как исцелять болезни. Обучение может длиться годами. Шаман встречается со своими учителями в снах, в видениях, в трансе. Вера в учителей — это вера в то, что знание можно получить не только от живых людей, но и от духов. Это открывает доступ к безграничной мудрости.

Без веры в духов-помощников шаман не может совершать путешествия. Иные миры полны опасностей. Там есть злые духи, которые хотят погубить шамана. Там есть ловушки, из которых трудно выбраться. Там можно заблудиться и не вернуться. Духи-помощники — это страховка, это охрана, это навигатор. Шаман верит, что они не бросят его в беде. Эта вера дает ему смелость идти туда, куда обычный человек не сунется.

Как писал этнограф и исследователь шаманизма Михаил Элиаде, «...духи-помощники — это необходимый элемент шаманского снаряжения. Без них шаман — не шаман, а просто человек, пытающийся войти в транс. Духи-помощники

дают ему силу, защиту и знание»²³ (С. 112). Духи-помощники неотделимы от шаманской идентичности. Они — часть шамана.

Отношения с духами-помощниками требуют заботы. Шаман должен регулярно общаться с ними, приносить им подношения, благодарить за помощь. Если он пренебрегает духами, они могут обидеться и уйти. Оставшись без помощников, шаман теряет силу. Он не может больше путешествовать, исцелять, предсказывать. Вера в духов-помощников — это не пассивное убеждение, а активное отношение. Нужно поддерживать связь, ухаживать за ней, как за растением.

Духи-помощники не всегда послушны. Они могут спорить с шаманом, могут отказываться выполнять его просьбы, могут даже обманывать. Шаман должен уметь договариваться с ними, убеждать их. Это напоминает отношения между людьми. Нельзя просто приказать духу. Нужно установить с ним личную связь. Вера в духов-помощников — это вера в то, что даже непослушного духа можно уговорить, если найти правильный подход.

У разных шаманов разные духи-помощники. Это зависит от традиции, от личных склонностей, от того, кто пришел во

²³ Элиаде М., «Шаманизм: архаические техники экстаза» / пер. с франц. К. Богущкого, Киев: София, 2000, 480 с.

время инициации. Один шаман может быть силен в общении с медведем, другой — с орлом, третий — со змеей. Нет двух одинаковых наборов духов-помощников. Вера в своего духа — это часть личной идентичности шамана. Он знает, что его дух силен в одном, а чужой — в другом. Он уважает других духов, но верит только в своих.

Вера в духов-помощников является прото-верой в людей. Это первый опыт доверия другому, который не является человеком, но ведет себя как человек. У духов есть характер, настроение, желания. С ними можно дружить, ссориться, мириться. Они могут предать, но могут и спасти. Шаман учится доверять им. Этот опыт переносится на отношения с людьми. Шаман, доверяющий духам, легче доверяет и людям. Он знает, что доверие — это риск, но риск оправданный.

Как писал антрополог К. Леви-Стросс, «...шаманские души — это проекция человеческих отношений на природу. Человек учится понимать себя через общение с духами. Духи — это зеркало, в котором шаман видит свою душу»²⁴ (С. 78). Вера в духов учит верить в людей. И наоборот. Если шаман не доверяет людям, он не сможет доверять и духам. Это единый механизм.

²⁴ Леви-Стросс К., «Первобытное мышление» / пер. с франц. А. Б. Островского, Москва: Республика, 1994, 384 с.

Шаман может обращаться к духам-помощникам с просьбами. Он просит медведя дать ему силы для исцеления. Он просит орла показать дорогу в верхний мир. Он просит змею защитить его от злых духов. Его просьбы основаны на вере, что духи его слышат и могут помочь. Эта вера не всегда оправдывается. Духи могут отказать. Но шаман не теряет веры. Он знает, что отказ — это не предательство, а урок. Дух знает лучше, что нужно шаману.

Шаман благодарит духов-помощников после успешного камлания. Благодарность — это часть отношений. Шаман приносит жертву, произносит слова благодарности, обещает помнить о помощи. Без благодарности духи могут обидеться. Вера в духов-помощников включает в себя веру в то, что они нуждаются в признании. Им важно, чтобы их ценили. Это тоже напоминает человеческие отношения. Люди тоже хотят, чтобы их благодарили за помощь.

Духи-помощники могут передавать шаману знания. Шаман может спросить у духа, как лечить болезнь, и получить ответ. Он может спросить, где находится пропавший олень, и дух покажет дорогу. Он может спросить о будущем, и дух приоткроет завесу. Вера в духов-помощников — это вера в то, что есть источник знания, недоступный обычным путем. Это открывает шаману доступ к информации, которую он не

мог бы получить иначе.

Иногда духи-помощники говорят шаману то, что он не хочет слышать. Они могут сказать, что больной безнадежен. Могут сказать, что шаман сам скоро умрет. Могут сказать, что племя ждет беда. Шаман должен верить этим словам, даже если они горькие. Убегать от неприятной правды — значит терять доверие духов. Вера в духов-помощников требует мужества слышать правду и действовать в соответствии с ней.

Без веры в духов-помощников шаман не может совершать путешествия. Иные миры слишком опасны, чтобы идти туда одному. Духи-помощники — это группа поддержки, это команда, это семья. Шаман верит, что его команда не подведет. Эта вера позволяет ему рисковать жизнью. Он знает, что если он попадет в беду, духи придут на помощь. Он не один. Вера в других — это основа его смелости.

Вера в духов-помощников учит шамана смирению. Он не всемогущ. Он зависит от своих помощников. Без них он — ничто. Эта зависимость не унижает, а возвышает. Она связывает шамана с миром духов узами любви и благодарности. Он не одинокий герой, а часть сообщества. Вера в других — это признание того, что человек не может быть самодостаточным. Ему нужны другие. И это нормально.

В современном мире многие люди утратили эту веру. Они не верят ни в духов, ни в людей. Они одиноки. Они пытаются быть самодостаточными. Это путь в никуда. Человек не может быть счастлив один. Шаманизм напоминает об этом. Вера в других — в людей, в духов, в животных — это основа здоровой психики. Без нее человек чахнет. Шаман знает это. Поэтому он бережно хранит свои отношения с духами-помощниками.

В шаманизме нет четко сформулированного закона любви. В авраамических религиях есть заповедь «возлюби ближнего как себя». В буддизме есть практика метта — культивация любящей доброты ко всем существам. В индуизме есть бхакти — путь любви к Богу. В шаманизме такого нет. Шаман не говорит о любви как о главном законе мироздания. Его язык — это язык силы, а не любви. Он говорит о духах, о ритуалах, об исцелении. Любовь не является центральным понятием.

Но это не значит, что в шаманизме нет места любви. Отношения шамана с миром духов, с природой, с людьми напоминают любовь. Шаман заботится о своем племени. Он рискует жизнью, чтобы вернуть душу больного. Он совершает путешествия в нижний мир, чтобы узнать волю умерших. Он защищает своих соплеменников от злых духов. В этой

заботе, в этой жертвенности есть любовь. Она не названа по имени, но она есть.

Гармония с природой — одно из проявлений этой невысказанной любви. Шаман не отделяет себя от природы. Он часть леса, часть реки, часть горы. Он не стремится покорить природу или использовать ее. Он стремится жить в согласии с ней. Он просит у духа реки разрешения ловить рыбу. Он благодарит духа леса за удачную охоту. Он приносит извинения духу убитого животного. Это отношение очень близко к любви. Это уважение, забота, признание ценности другого.

Как писал этнограф и исследователь шаманизма Михаил Элиаде, *«...шаман не противопоставляет себя природе. Он чувствует себя частью космоса. Его ритуалы восстанавливают гармонию, нарушенную человеком. Эта гармония — не любовь в христианском смысле, но она включает в себя уважение и заботу»*²⁵ (С. 134). Гармония — это язык шамана. Любовь — это язык более поздних религий.

Отношения шамана с духами также содержат элемент любви. Шаман заботится о своих духах-помощниках. Он делает им подношения, благодарит их, защищает их от злых духов. Он доверяет им. Он готов рисковать ради них. Это

²⁵ Элиаде М., «Шаманизм: архаические техники экстаза» / пер. с франц. К. Богущкого, Киев: София, 2000, 480 с.

похоже на любовь. Но это не та любовь, о которой говорят христианские мистики. Это более практичная, менее эмоциональная связь. Это связь союзников, которые нужны друг другу. Но в ней есть тепло, есть преданность.

В шаманизме нет проповедей о любви к врагам. Шаман не обязан любить тех, кто причиняет ему зло. Он может бороться со злыми духами. Он может проклинать врагов. Он не обязан прощать. Любовь в шаманизме — это не универсальный закон, а отношение к тем, кто заслуживает любви. К своим духам, к своему племени, к своей природе. Чужие могут быть врагами. Это отличается от авраамических религий, где любовь к врагам является заповедью.

Как писал антрополог К. Леви-Стросс, «...шаманизм не знает абстрактной любви. Любовь в шаманизме всегда конкретна. Это любовь к своему роду, к своей земле, к своим духам. Универсальная любовь приходит с более поздними религиями»²⁶ (С. 95). Шаман не любит всех. Он любит своих. Это ограничение, но в этом ограничении есть своя правда.

Отношение шамана к природе близко к тому, что в других традициях называется любовью. Шаман не воспринимает природу как бездушный ресурс. Он видит в ней живых

²⁶ Леви-Стросс К., «Первобытное мышление» / пер. с франц. А. Б. Островского, Москва: Республика, 1994, 384 с.

существ. Деревья, камни, реки, горы — у каждого есть дух, с которым можно разговаривать. Шаман относится к ним с уважением. Он не ломает ветки без нужды. Он не убивает животных ради забавы. Он не загрязняет реки. Это не экология в современном смысле, но это бережное отношение, основанное на вере в одушевленность мира.

В шаманизме любовь не является законом, который управляет миром. Миром управляют духи. Они могут быть добрыми и злыми, щедрыми и жадными, справедливыми и капризными. Нет гарантии, что добро победит зло. Нет закона, который бы обеспечивал справедливость. Шаман не верит, что любовь сильнее смерти. Он верит, что сила сильнее смерти. Он полагается не на любовь, а на свою способность договариваться с духами.

Отсутствие закона любви в шаманизме делает его уязвимым. Если нет закона, то все зависит от силы. Сильный дух может победить слабого, даже если он неправ. Шаман не может апеллировать к высшей справедливости. Он может только просить, умолять, угрожать. Это отличается от авраамических религий, где Бог справедлив и где добро в конечном счете побеждает. В шаманизме нет такой уверенности. Любовь не является гарантией.

Но у этой слабости есть и сила. Шаман не тешит себя ил-

люзиями. Он знает, что мир опасен. Он знает, что добро не всегда побеждает. Он не расслабляется в доверии к высшему закону. Он действует. Он борется. Он договаривается. Он не ждет чуда. Он творит его сам, насколько может. Это трезвое, мужественное отношение к жизни. В нем меньше утешения, но больше честности.

Вера в любовь как закон в шаманизме выражена слабо, но не отсутствует полностью. Ее зачатки есть в заботе о племени, в уважении к природе, в преданности духам. Просто эта вера не сформулирована, не возведена в ранг догмы. Она существует как практическое отношение, а не как теоретическое убеждение. Шаман не говорит о любви, но он поступает с любовью. Его дела говорят громче слов.

Для современного человека это может быть уроком. Можно любить, не декларируя любовь. Можно заботиться, не называя это любовью. Можно быть преданным, не клясться в верности. Шаманизм показывает, что вера в любовь может быть невысказанной. Она может жить в поступках, а не в словах. Это более глубокий уровень веры. Слова могут обманывать. Поступки — нет.

В следующих традициях, особенно в христианстве, вера в любовь будет выражена максимально сильно. Мы увидим, как заповедь любви становится центром религии. Как Бог

объявляется любовью. Как любовь провозглашается главным законом. Но в шаманизме мы видим начало этого пути. Еще нет слов, но уже есть дело. Еще нет догмы, но уже есть поступки. Вера в любовь растет из этого корня.

Таким образом, четвертый вид веры в шаманизме присутствует, но в слабой форме. Шаман не верит в любовь как в закон. Он верит в гармонию, в уважение, в заботу. Эти понятия близки к любви, но не тождественны ей. Шаманизм — это архаичная основа. На ней выросли более поздние религии, которые развили и углубили веру в любовь. Но корень — здесь, в заботе шамана о своем племени и о своей природе.

В шаманизме нет единого Бога. Нет единого закона, которому подчиняется все сущее. Вместо этого есть множество духов разных уровней. Духи леса, духи рек, духи гор, духи животных, духи предков, духи болезней, духи-помощники. Каждый дух имеет свою сферу влияния, свой характер, свои желания. Нет иерархии, где один главный дух управляет всеми остальными. Мир шамана — это полифония, многоголосие самостоятельных сил.

Отсутствие единого Бога или закона отличает шаманизм от более поздних религий. В христианстве есть один Бог, который создал мир и управляет им. В исламе есть один Ал-

лах, которому подчиняется все. В буддизме есть Дхамма — единый закон, объективный порядок вещей. В шаманизме нет ничего подобного. Мир духов децентрализован. Каждый дух решает свои дела сам. Нет высшей инстанции, к которой можно апеллировать.

Это делает мир шамана более хаотичным, но и более гибким. Если один дух не помогает, можно обратиться к другому. Если дух реки сердится, можно попросить помощи у духа горы. Нет монополии на силу. Нет единого источника власти. Шаман может лавировать, договариваться, искать обходные пути. Это требует от него большей изобретательности, но дает и больше возможностей.

В некоторых шаманских традициях существует представление о Верховном Существе, которого часто называют Небом или Великим Духом. Оно считается творцом мира, источником жизни. Но это Верховное Существо далеко. Оно не вмешивается в дела людей. Оно не отвечает на молитвы. Оно не наказывает и не награждает. Оно просто есть. Шаман редко обращается к нему. В его повседневной практике Верховное Существо не играет никакой роли.

Как писал этнограф и исследователь шаманизма Михаил Элиаде, «...*Верховное Существо в шаманизме — это *deus otiosus* (бездействующий бог). Он создал мир, а потом уда-*

лил на небеса и больше не вмешивается. Люди обращаются не к нему, а к более доступным духам, которые живут рядом»²⁷ (С. 56). Верховное Существо есть, но оно неактивно.

Удаленность Верховного Существа означает, что человек не может полагаться на него. Нельзя молиться Небу и ждать помощи. Нужно действовать самому. Нужно договариваться с духами, которые живут рядом. Эта особенность шаманизма воспитывает в человеке самостоятельность. Он не ждет чуда свыше. Он сам ищет пути решения проблем. Вера в Бога здесь не является опорой. Человек опирается на себя и на ближних духов.

Некоторые исследователи видят в этом Верховном Существом зачаток монотеизма. Представление о едином Боге-творце не исчезло. Оно сохранилось в шаманизме, но отошло на задний план. Позже, в более развитых религиях, оно выйдет на первый план. Яхве, Аллах, Брахман — это потомки того самого Верховного Существа, которое в шаманизме оставалось в тени. Шаманизм хранит память о едином Боге, но не делает его центром своей практики.

Как писал антрополог К. Леви-Стросс, «...шаманизм —

²⁷ Элиаде М., «Шаманизм: архаические техники экстаза» / пер. с франц. К. Богущкого, Киев: София, 2000, 480 с.

это не примитивная форма монотеизма. Это иная структура. В ней нет места единому Богу, потому что единый Бог требует единой истины, единого закона. Шаманизм же построен на множественности и гибкости»²⁸ (С. 102). Множественность духов — это не недостаток, а особенность шаманского мировоззрения.

Вера в единый закон (пятый вид веры) в шаманизме выражена слабо. Нет веры в то, что мир подчиняется единому порядку. Нет веры в то, что добро обязательно побеждает зло. Нет веры в то, что справедливость в конечном счете восторжествует. Мир шамана — это мир борьбы, где исход не предрешен. Сильный может победить слабого, даже если он неправ. Шаман не утешает себя мыслью о высшей справедливости. Он действует.

Эта слабость пятого вида веры имеет свои последствия. У шамана нет утешения в страдании. Он не может сказать: «Бог знает, зачем это нужно». Он не может довериться высшему закону. Он должен сам справляться с болью, с горем, со страхом. Это трудно. Но это и закаляет. Шаман становится сильным, потому что не на кого положиться. Его вера — это вера в себя и в своих духов. Этого достаточно.

²⁸ Леви-Стросс К., «Первобытное мышление» / пер. с франц. А. Б. Островского, Москва: Республика, 1994, 384 с.

В авраамических религиях вера в единого Бога становится центральной. Человек может положиться на Бога, доверить ему свою судьбу. Это дает утешение, но может привести и к пассивности. Зачем что-то делать, если Бог все равно все решает? В шаманизме такой проблемы нет. Нет Бога, который решает все. Есть духи, с которыми нужно договариваться. Есть шаман, который должен действовать. Нет пассивного ожидания.

Отсутствие единого закона делает шаманизм более демократичным. Нет священной книги, в которой записаны все ответы. Нет пророка, который объявил волю Бога. Нет церкви, которая толкует эту волю. Каждый шаман имеет свой опыт, своих духов, свои методы. Нет единого авторитета. Это плюрализм, который в более поздних религиях часто подавляется. Шаманизм терпим к разнообразию.

Слабость пятого вида веры в шаманизме компенсируется силой других видов. Сильна вера в реальность мира духов (первый вид). Сильна вера в себя (второй вид). Сильна вера в духов-помощников (третий вид). Сильна вера в достижение цели через ритуал (седьмой вид). Шаманизм — это сбалансированная система. В ней нет одного центрального вида веры, как в христианстве (любовь) или в исламе (Бог). В ней все виды работают вместе.

Вера в духов, а не в единый закон, отражает архаическое восприятие мира. Мир воспринимается как населенный множеством самостоятельных сил. Нет единого плана, единого замысла. Есть конкуренция, борьба, договоренности. Человек — один из игроков на этом поле. Он не подчинен высшей воле. Он свободен договариваться, выбирать, действовать. Эта свобода — и сила, и бремя шаманизма.

В более поздних религиях эта свобода будет ограничена. Появится единый Бог, который требует подчинения. Появится единый закон, который нельзя нарушать. Появится единая истина, в которую нужно верить. Шаманизм хранит память о времени, когда все было иначе. Когда человек был не рабом Бога, а партнером духов. Эта память важна. Она напоминает, что религиозное разнообразие — не ошибка, а норма.

Для современного человека, выросшего в монотеистической культуре, шаманизм может показаться странным. Как можно верить в духов и не верить в единого Бога? Как можно не иметь священной книги? Как можно обходиться без догматов? Но шаманизм существует тысячи лет. Он удовлетворяет духовные потребности людей. Значит, его способ веры имеет право на существование. Он не хуже и не лучше других. Он просто другой.

Пятый вид веры в шаманизме останется слабым. Это не недостаток, а особенность. В следующих религиях — в зооастризме, в индуизме, в буддизме, в авраамических традициях — пятый вид веры выйдет на первый план. Но в шаманизме он остается в тени. И это правильно. Шаманизм — это не религия закона. Это религия духов. И в этом его уникальность.

В шаманизме есть злые духи. Они насылают болезни, крадут души, портят охоту, вызывают засуху. Шаман борется с ними. Он входит в транс, отправляется в нижний мир, находит злого духа и вступает с ним в бой. Он изгоняет его из тела больного, возвращает украденную душу, восстанавливает порядок. Вера в злых духов — важная часть шаманского мировоззрения. Без нее непонятно, откуда берется зло. Но эта вера отличается от веры в дьявола в более поздних религиях.

Злые духи в шаманизме — это не воплощение абсолютного зла. Они не являются врагами Бога. Они не борются за власть над миром. Они просто причиняют вред. У них нет глобального плана. Нет цели уничтожить человечество. Они действуют локально: один дух насылает конкретную болезнь, другой крадет душу конкретного человека. Их зло — это не метафизическая категория, а практическая проблема. С ней можно справиться.

В зороастризме зло имеет онтологический статус. Ангра-Майнью — это почти равный противник Ахура-Мазды. Борьба добра и зла — это закон мироздания. В христианстве Сатана — это падший ангел, князь тьмы, враг Бога. Он искушает людей, строит козни, борется за души. В шаманизме ничего подобного нет. Злые духи — это не армия зла. Это отдельные хулиганы, а не организованная преступность. Их зло не имеет метафизического измерения.

В шаманизме зло — это дисбаланс, а не сущность. Когда мир гармоничен, злые духи неактивны. Когда баланс нарушен — неправильным поведением людей, нарушением табу, неуважением к духам — злые духи активизируются. Они не причина дисбаланса, а его следствие. Восстанови баланс — и злые духи уйдут. Зло в шаманизме обратимо. Оно не является вечным проклятием. Это временное расстройство.

Как писал этнограф и исследователь шаманизма Михаил Элиаде, *«...злые духи в шаманизме — это не демоны в христианском смысле. Это духи, которые по тем или иным причинам стали враждебны человеку. Их враждебность может быть временной. Шаман умеет договариваться с ними, переманивать на свою сторону»*²⁹ (С. 78). Злые духи — это не враги навсегда. Их можно задобрить.

²⁹ Элиаде М., «Шаманизм: архаические техники экстаза» / пер. с франц. К. Богущкого, Киев: София, 2000, 480 с.

Шаман не объявляет войну всем злым духам. Он не видит в них воплощение мирового зла. Он относится к ним прагматично. Если дух вреден, с ним нужно разобраться. Если он согласен прекратить вредить, его можно оставить в покое. Если нет — его можно изгнать. Но нет священной войны. Нет крестового похода против зла. Это отличает шаманизм от авраамических религий, где борьба с дьяволом является долгом каждого верующего.

Болезни в шаманизме часто объясняются действием злых духов. Дух мог войти в тело человека и вызвать недуг. Дух мог украсть душу, и тело без души заболело. Дух мог наслать порчу. Шаман лечит, изгоняя злого духа. Он не борется с болезнью как с физическим процессом. Он борется с духом как с личностью. Это психологически эффективно. Больной получает объяснение своей болезни, и это объяснение мобилизует его внутренние силы.

Как писал антрополог К. Леви-Стросс, «...шаманское лечение работает не потому, что духи реальны, а потому, что больной верит в их реальность. Вера мобилизует психику. Шаман дает языку, на котором можно говорить о невыразимом»³⁰ (С. 256). Вера в злых духов — это язык, на кото-

³⁰ Леви-Стросс К., «Структурная антропология» / пер. с франц. В. В. Иванова, Москва: Наука, 1985, 536 с.

ром человек говорит о своей болезни. Этот язык работает.

В зороастризме и христианстве вера в дьявола порождает паранойю. Дьявол везде. Он искушает каждую минуту. Нужно быть постоянно начеку. Эта паранойя изматывает. В шаманизме такого нет. Злые духи — это не глобальная угроза. Они досаждают время от времени, но не контролируют мир. Шаман борется с ними, когда они появляются. В остальное время он живет спокойно. Его вера в злых духов не отравляет ему жизнь.

Злые духи в шаманизме часто являются духами умерших, которые не нашли покоя. Человек умер неправильно, не были совершены нужные ритуалы, его душа осталась между мирами и теперь вредит живым. Шаман должен помочь духу успокоиться, завершить переход. Тогда злой дух перестанет быть злым. Это опять же дисбаланс, а не онтологическое зло. Восстанови порядок — и зло исчезнет. Нет вечного врага.

В более поздних религиях зло становится онтологическим. Дьявол существует всегда, независимо от поведения людей. Его нельзя задобрить, нельзя переманить на свою сторону. С ним можно только бороться. Эта борьба никогда не закончится. Шаманизм не знает такой безнадежности. Его зло — это не зло в себе, а зло, возникающее из нарушения гармонии. Восстанови гармонию — и зло уйдет.

Вера в злых духов в шаманизме — это прото-вера в дьявола. Здесь уже есть представление о враждебных существах, причиняющих вред. Но еще нет представления о дьяволе как о принципе зла. Нет дуальности. Нет космической битвы. Есть только локальные конфликты. Шаман не воин на фронте борьбы с злом. Он миротворец, который восстанавливает баланс. Это менее драматично, но и менее изнурительно.

Для современного человека, выросшего в культуре, где зло часто персонифицировано в образе дьявола, шаманское отношение к злу может быть непривычным. Оно кажется слишком легким. Но в этой легкости есть своя мудрость. Не нужно делать из мухи слона. Не нужно видеть дьявола за каждым углом. Зло существует, но оно не абсолютно. С ним можно справиться. Нужно только восстановить гармонию.

Шаманизм учит, что зло не является самостоятельной силой. Оно возникает из дисбаланса. Убери дисбаланс — и зло исчезнет. Эта идея глубока. Она означает, что зло не имеет собственного бытия. Оно всегда производное. В христианстве зло понимается как отсутствие добра (*privatio boni*). Но в христианстве есть еще и дьявол — личность, воплощающая это отсутствие. В шаманизме нет такой личности. Есть только дисбаланс.

Вера в злых духов как прото-вера в дьявола важна для понимания эволюции религий. Сначала были злые духи — локальные вредители. Потом появился князь тьмы — организатор всех злых сил. Потом появился дьявол — почти равный противник Бога. Шаманизм — это первый этап этого пути. Здесь зло еще не организовано, не возведено в ранг метафизической силы. Это делает шаманизм более легким, менее травматичным.

В следующих религиях — в зороастризме, в христианстве, в исламе — вера в дьявола станет центральной. Мы увидим, как зло обретает лицо, имя, биографию. Но в шаманизме все еще просто. Есть злые духи, но их можно задобрить или изгнать. Нет вечного врага. Нет космической войны. Есть только временные проблемы, которые можно решить. Это примитивно? Возможно. Но в этой примитивности есть своя мудрость.

Шаманский ритуал — это не просто обряд. Это технология. У него есть четкая цель, конкретные инструменты, проверенные методы. Шаман не импровизирует. Он следует традиции, наработанной веками. Камлание, бой в бубен, танец, пение — все это не случайные действия, а продуманные приемы для входа в измененное состояние сознания. Шаман верит, что эти приемы работают. Без этой веры они не работают. Седьмой вид веры — вера в достижение цели — здесь

проявляется максимально ярко.

Бубен — главный инструмент шамана. Его форма, размер, материал, рисунок — все имеет значение. Бубен не просто музыкальный инструмент. Это транспорт, на котором шаман отправляется в иные миры. Это оружие, которым он борется со злыми духами. Это голос, которым он призывает помощников. Шаман верит, что ритмичный бой в бубен меняет его сознание. Он входит в транс. Его душа покидает тело. Он начинает путешествовать.

Танец — еще одна технология. Шаман танцует вокруг бубна, кружится, подпрыгивает, падает. Его движения не хаотичны. Они подчинены ритму, традиции, цели. Танец разогревает тело, изменяет дыхание, перенастраивает восприятие. Шаман верит, что определенные движения открывают проход в иные миры. Он танцует до изнеможения. В какой-то момент его тело перестает подчиняться обычным законам. Он падает в транс. Танец достиг цели.

Пение — третья технология. Шаман поет особые песни — шаманские камлания. В этих песнях есть сила. Слова могут быть непонятны, но важен ритм, интонация, громкость. Пение вводит шамана в транс. Оно также призывает духов-помощников. Оно защищает от злых сил. Шаман верит, что правильная песня — это ключ к иному миру. Если спеть ее

так, как учили предки, дверь откроется. Вера в эффективность пения — это вера в достижение цели.

Как писал этнограф и исследователь шаманизма Михаил Элиаде, «...шаман владеет техникой экстаза. Он знает, как войти в транс, как путешествовать по мирам, как возвращаться обратно. Это не магия в примитивном смысле, а технология, отработанная тысячелетиями»³¹ (С. 34). Шаман не надеется на чудо. Он делает. Его вера подкреплена знанием технологии.

Цель ритуала всегда конкретна. Исцелить больного. Найти пропавшего оленя. Предсказать погоду. Вернуть душу, украденную злыми духами. Узнать волю умершего. Защитить племя от врагов. Шаман не совершает ритуал ради ритуала. У него есть четкая задача. Вера в достижение цели — это вера в то, что его ритуал приведет к результату. Не всегда, не на сто процентов, но часто. Шаман верит в свою технологию.

Исцеление — самая частая цель шаманского ритуала. Шаман находит причину болезни — злого духа, который вселился в тело, или украденную душу. Он входит в транс, отправляется в нижний мир, находит злого духа и изгоняет его.

³¹ Элиаде М., «Шаманизм: архаические техники экстаза» / пер. с франц. К. Богущкого, Киев: София, 2000, 480 с.

Или находит украденную душу и возвращает ее. После ритуала больной часто чувствует облегчение. Шаман верит, что это результат его работы. Вера в эффективность ритуала подкрепляется успешными исцелениями.

Поиск — еще одна цель. Пропал человек, животное, предмет. Шаман входит в транс и спрашивает у духов, где находится пропажа. Духи могут показать дорогу, назвать место, дать знак. Шаман передает информацию племени. Пропажа часто находится. Вера в успех поиска основана на реальных находках. Шаман знает, что его метод работает. Он не гадает наугад. Он использует проверенную технологию.

Предсказание — третья цель. Шамана спрашивают о будущем. Будет ли удачной охота? Будет ли дождь? Не грозит ли племени война? Шаман входит в транс и получает информацию от духов. Он может видеть будущие события, слышать предупреждения, чувствовать опасность. Вера в точность предсказаний подкрепляется случаями, когда предсказания сбывались. Шаман знает, что его технология не идеальна, но она работает.

Возвращение души — особая цель. В шаманизме считается, что болезнь может быть вызвана тем, что душа человека ушла из тела. Это могло произойти от испуга, от обиды, от колдовства. Душа бродит где-то в иных мирах. Ша-

ман должен найти ее и вернуть. Он отправляется в путешествие, находит душу, уговаривает ее вернуться, иногда силой возвращает. После ритуала больной выздоравливает. Вера в возвращение души — это вера в исцеление через восстановление целостности.

Как писал антрополог К. Леви-Стросс, «...шаманский ритуал — это технология, которая работает, потому что в нее верят и пациент, и шаман. Вера создает психосоматический эффект. Тело больного откликается на действия шамана. Это не обман, это реальный механизм исцеления»³² (С. 260). Вера в достижение цели — это не наивность, а инструмент.

Шаман верит в свой бубен. Он знает, что без бубна транс глубже не получается. Бубен — это технология. Шаман верит в свой танец. Он знает, что определенные движения ускоряют вход в транс. Танец — это технология. Шаман верит в свои песни. Он знает, что слова и ритм имеют силу. Пение — это технология. Без этой веры шаман не смог бы работать. Но его вера не слепа. Она основана на опыте.

У разных шаманов разные технологии. Один входит в транс с помощью бубна, другой — с помощью погремушки,

³² Леви-Стросс К., «Структурная антропология» / пер. с франц. В. В. Иванова, Москва: Наука, 1985, 536 с.

третий — с помощью танца, четвертый — с помощью растен- ний энтеогенов. Единого рецепта нет. Но принцип один: есть технология, и она работает. Шаман верит в свою технологию. Эта вера — седьмой вид веры — проявляется в каждом его действии. Без нее ритуал становится пустой формальностью.

Современный человек может скептически относиться к шаманским технологиям. Он скажет: это самообман. Но он сам верит в другие технологии: в лекарства, в хирургию, в психотерапию. Вера в эффективность этих технологий не сильно отличается от веры шамана в свой бубен. Разница в языке, в объяснениях, в культурном контексте. Но механизм один: человек верит, что определенные действия приведут к определенному результату. Это вера в достижение цели.

Шаманизм учит нас, что вера в достижение цели нераз- рывно связана с технологией. Недостаточно просто верить. Нужно делать. Нужно использовать проверенные методы. Нужно учиться ремеслу. Вера без дела мертва. Шаман не си- дит сложа руки и не ждет чуда. Он бьет в бубен, танцует, по- ет. Он делает. И его вера подкрепляется результатами. Успех укрепляет веру. Вера укрепляет успех. Это цикл.

В следующих религиях мы увидим другие технологии. Молитва, медитация, паломничество, пост — все это ин- струменты достижения цели. Но корень один — шаманский

ритуал. Шаман был первым, кто понял, что вера нуждается в технологии. Он изобрел бубен, танец, песню. Он создал прообраз всех будущих религиозных практик. Мы должны быть ему благодарны. Он проложил путь.

Шаман не только исцеляет больных и ищет пропавшее. Он также заглядывает в будущее. Племя обращается к нему с вопросами: будет ли удачной охота, придет ли дождь, не грозит ли война, стоит ли начинать новое дело. Шаман входит в транс, путешествует в иные миры, встречается с духами и получает от них информацию о будущем. Вера в то, что будущее можно узнать, — это восьмой вид веры, вера в будущее, выраженная в форме предсказания.

Гадание — одна из форм шаманского прогноза. Шаман может использовать разные методы: бросание костей, наблюдение за полетом птиц, толкование снов, чтение по внутренностям жертвенных животных. Эти методы кажутся случайными, но для шамана они имеют смысл. Духи говорят через знаки. Задача шамана — правильно истолковать эти знаки. Вера в то, что знаки не случайны, а несут информацию о будущем, — это вера в предсказуемость мира.

Предсказание — более прямая форма. Шаман входит в транс и видит будущее собственными глазами. Он путешествует во времени. Он видит события, которые еще не про-

изошли. Он слышит голоса духов, которые говорят ему, что будет. Это переживание может быть очень ярким. Шаман выходит из транса и рассказывает, что он увидел. Вера в реальность этих видений — это вера в то, что будущее существует и его можно наблюдать.

Шаманское видение будущего отличается от гадания. Гадание опирается на интерпретацию знаков. Видение — на непосредственный опыт. Шаман как бы перемещается в будущее и смотрит на него оттуда. Этот опыт субъективен, но для шамана он реален. Он верит, что его душа путешествовала во времени и видела то, что еще не случилось. Эта вера подкрепляется случаями, когда предсказания сбывались.

Как писал этнограф и исследователь шаманизма Михаил Элиаде, *«...шаман не только целитель и проводник душ. Он также прорицатель. Он видит будущее, потому что его душа свободна от времени. В трансе время останавливается или растягивается. Шаман может заглянуть за горизонт событий»*³³ (С. 156). Вера в возможность предсказания — это вера в то, что время не является непреодолимой стеной.

Шаман верит, что будущее можно не только узнать, но и изменить. Ритуал может повлиять на ход событий. Если

³³ Элиаде М., «Шаманизм: архаические техники экстаза» / пер. с франц. К. Богущкого, Киев: София, 2000, 480 с.

предсказание плохое (засуха, болезнь, война), шаман может попытаться отвести беду. Он совершает специальные обряды, приносит жертвы, просит духов изменить будущее. Вера в то, что ритуал может изменить будущее, — это высшая форма веры в будущее. Человек не пассивный наблюдатель, а активный участник.

Предсказание будущего — рискованное дело. Если предсказание не сбывается, вера в шамана падает. Поэтому шаманы часто избегают конкретных предсказаний. Они говорят в загадках, метафорах, иносказаниях. Толкование остается за слушателем. Если что-то не сбудется, всегда можно сказать: «ты неправильно понял». Эта практика известна во всех культурах. Шаман защищает свою веру от разочарования.

Как писал антрополог К. Леви-Стросс, *«...шаманское предсказание — это не научный прогноз. Это мифологическое событие. Шаман не предсказывает будущее в том смысле, в котором метеоролог предсказывает погоду. Он создает нарратив, который помогает племени принять неизбежное»*³⁴ (С. 270). Вера в предсказание — это вера в то, что будущее имеет смысл.

³⁴ Леви-Стросс К., «Структурная антропология» / пер. с франц. В. В. Иванова, Москва: Наука, 1985, 536 с.

Вера в то, что будущее можно изменить через ритуал, порождает активность. Если засуха неизбежна, можно смириться. Если ее можно отворотить, нужно действовать. Шаман действует. Он бьет в бубен, танцует, поет. Он делает все, чтобы изменить будущее. Даже если засуха все равно придет, шаман будет знать, что он сделал все, что мог. Его вера в возможность изменения будущего дает ему силы не сдаваться.

В шаманизме будущее не жестко детерминировано. Оно пластично. Духи могут передумать. Ритуалы могут изменить планы. Человек может повлиять на свою судьбу. Эта вера в пластичность будущего отличается от фатализма более поздних религий, где все предопределено Богом. Шаман не покоряется судьбе. Он с ней борется. Он договаривается. Он пытается ее изменить. Это активная позиция.

Шаманское видение будущего часто касается ближайших событий. Удачной ли будет завтрашняя охота? Пойдет ли дождь на следующей неделе? Не заболеет ли вождь? Шаман не заглядывает на тысячу лет вперед. Его прогнозы практичны, приземленны. Они нужны для принятия решений здесь и сейчас. Вера в будущее в шаманизме — это вера в ближайшее будущее, в то, что можно проверить. Это делает веру более устойчивой.

Шаман может также предсказывать будущее отдельных

людей. Родится ли у женщины ребенок? Вернется ли муж из похода? Выздоровеет ли больной? Эти предсказания имеют большое значение для человека. Они дают надежду или предупреждают об опасности. Вера в шаманский прогноз влияет на поведение людей. Если шаман сказал, что человек выздоровеет, тот начинает верить в исцеление. А вера в исцеление часто помогает выздороветь.

Вера в будущее тесно связана с верой в достижение цели. Чтобы изменить будущее, нужно действовать. Ритуал — это действие. Шаман верит, что его ритуал изменит ход событий. Эта вера в эффективность ритуала — седьмой вид веры — подкрепляет веру в будущее. Я могу изменить будущее, потому что мой ритуал работает. Два вида веры работают в связке.

В авраамических религиях вера в будущее часто связана с загробной жизнью. Человек верит, что после смерти его ждет рай или ад. Шаманизм меньше внимания уделяет загробной жизни. Его вера в будущее более приземлена. Она касается этой жизни, этого мира, этого племени. Шаман предсказывает, когда пойдет дождь, а не что будет после смерти. Это делает его веру более проверяемой, но и более уязвимой.

Вера в будущее в шаманизме не является отдельной доктриной. Она вплетена в практику. Шаман предсказывает бу-

дущее, потому что его об этом просят. Он не рассуждает о природе времени. Он просто делает. Его вера проявляется в действии. Это характерно для всех видов веры в шаманизме. Вера неотделима от ритуала. Нет веры без действия. Нет действия без веры.

Для современного человека шаманские предсказания могут показаться суеверием. Но они выполняют важную функцию. Они снижают тревогу перед неопределенностью. Когда человек знает, что будет (или хотя бы верит, что знает), ему легче. Он может планировать, действовать, надеяться. Вера в будущее — это психологическая защита. Шаман дает эту защиту своему племени. Он смотрит в будущее, чтобы люди не боялись настоящего.

В следующих религиях вера в будущее примет другие формы. В египетской религии это будет вера в загробную жизнь. В иудаизме — вера в приход Мессии. В христианстве — вера во Второе пришествие. В исламе — вера в Судный день. Но корень — здесь, в шаманском прогнозе. Шаман первым задал вопрос: что будет? И он первым попытался на него ответить. Мы идем по его стопам.

Шаманский ритуал — это не одно действие, а целый комплекс практик. Каждая практика имеет свою цель и свой смысл. Камлание, танец, жертвоприношение, инициация —

все это разные грани одного искусства. Шаман владеет всем арсеналом. Он выбирает нужный инструмент в зависимости от задачи. Ритуалы шаманизма — это технологии, отточенные веками. Они передаются от учителя к ученику, от поколения к поколению. Без них шаманизм невозможен.

Камлание — центральный ритуал шамана. Это путешествие с бубном. Шаман садится или ложится, закрывает глаза и начинает ритмично бить в бубен. Звук бубна вводит его в транс. Его душа покидает тело и отправляется в иные миры. Верхний мир, нижний мир, срединный мир. Шаман путешествует, встречается с духами, борется со злыми силами, возвращает украденные души. Камлание может длиться несколько часов. За это время шаман не ест, не пьет, не двигается. Все его существо сосредоточено на путешествии.

Бубен для шамана — не просто инструмент. Это живое существо. У бубна есть дух. Шаман разговаривает с бубном, просит его о помощи, благодарит его. Перед камланием бубен нужно разогреть — подержать над огнем, чтобы кожа натянулась и звук стал чистым. После камлания бубен нужно успокоить — завернуть в ткань, положить в специальное место. Отношение к бубну — это отношение к партнеру. Шаман и бубен работают в паре.

Танец — еще один способ входа в транс. Шаман начина-

ет танцевать вокруг бубна или вокруг костра. Его движения сначала медленные, затем все быстрее. Он кружится, подпрыгивает, падает. Танец может длиться часами. В какой-то момент шаман теряет контроль над телом. Он не чувствует усталости, не чувствует боли. Его тело движется само. Это знак, что транс достигнут. Духи вошли в шамана. Он готов к путешествию.

Танец — это не просто разогрев. Это способ перенастроить сознание. Ритмичные движения синхронизируют работу полушарий мозга. Шаман входит в измененное состояние. Он перестает быть собой. Он становится проводником духов. Танец может быть очень интенсивным, энергозатратным. Шаман выкладывается полностью. После танца он часто падает без сил. Но в момент танца он чувствует необычайный подъем. Его вера в танец подкрепляется этим переживанием.

Жертвоприношение — важная часть шаманских ритуалов. Шаман приносит жертву духам. Это может быть кусок мяса, горсть табака, лоскут ткани, капля крови. Жертва — это не взятка, а знак уважения. Шаман говорит духам: я признаю вашу силу, я благодарен вам за помощь, я готов делиться с вами. Без жертвы духи могут обидеться и отказать в помощи. Жертвоприношение — это технология поддержания хороших отношений с иными мирами.

Жертва может быть и кровавой, особенно в архаических культурах. Шаман мог принести в жертву животное (оленья, собаку, лошадь). Кровь жертвенного животного имела особую силу. Она питала духов. Она очищала пространство. Она укрепляла связь между мирами. Сегодня кровавые жертвы в шаманизме редки. Но ритуал сохранился в символической форме. Важна не столько кровь, сколько само действие — отдать что-то ценное.

Как писал этнограф и исследователь шаманизма Михаил Элиаде, *«...жертва — это не магическое действие, заставляющее духов исполнять желания. Это установление отношений. Человек дает что-то духам, и духи дают что-то человеку. Возникает связь, основанная на взаимности»*³⁵ (С. 178). Жертвоприношение — это технология установления отношений.

Инициационные обряды — самые важные и самые тайные ритуалы шаманизма. Это обряды перехода. Обычный человек умирает и воскресает шаманом. Инициация может длиться дни, недели, даже годы. Будущий шаман проходит через испытания. Его тело разрывают демоны. Его плоть сваривают в котле. Его кости пересчитывают. Он видит свою

³⁵ Элиаде М., «Шаманизм: архаические техники экстаза» / пер. с франц. К. Богущкого, Киев: София, 2000, 480 с.

смерть. Он переживает ужас. А потом он воскресает. Он уже не тот, кем был.

Смерть и воскресение в инициации — не просто символ. Это реальное психологическое переживание. Будущий шаман входит в транс и переживает свою смерть. Он чувствует, как его душа покидает тело. Он видит себя мертвым. Он встречается с духами умерших. А затем он чувствует, как его душа возвращается. Он открывает глаза. Он жив. Но он изменился. Страх смерти больше не властен над ним. Он пережил смерть и вернулся.

Инициация также включает в себя получение духов-помощников. Во время обряда к будущему шаману приходят духи. Они предлагают свою помощь. Они выбирают его. Шаман не выбирает духов. Духи выбирают его. Это важный момент. Вера шамана в себя основана не на его собственных усилиях, а на признании его духами. Он не самозванец. Он избранный. Избранный не Богом, а духами. Но это не менее почетно.

Как писал антрополог К. Леви-Стросс, «...шаманская инициация — это драма, разыгрываемая на сцене психики. Будущий шаман становится зрителем и актером одновременно. Он переживает смерть, чтобы научиться жизни»³⁶

³⁶ Леви-Стросс К., «Структурная антропология» / пер. с франц. В. В. Иванова,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.